

Элис Хоффман

ПРАВИЛА
МАГИИ

Остерегайтесь любви...
любовь есть проклятие

Annotation

С самого начала Сюзанне было понятно, что трое ее детей обладают незаурядными способностями. Чтобы их защитить, ей не оставалось ничего иного, как установить строгие правила. Никаких прогулок при лунном свете, спиритических досок, свечей, красных туфель, черной одежды, поползновений ходить босиком, амулетов, книг о магии, кошек в доме, воронов и ворон. И самое главное правило – никогда, никогда, никогда не влюбляться. Ведь любовь – это проклятье для семьи Оуэнс, чтобы не было жертв, без нее лучше обойтись. Но как бы далеко ты ни убежал, твоя судьба все равно тебя настигнет.

- [Элис Хоффман](#)
 -
 -
 -
 -
 - [Интуиция](#)
 - [Алхимия](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Элис Хоффман

Правила магии

Alice Hoffman

THE RULES OF MAGIC

Copyright © 2017 by Alice Hoffman

© Т. Покидаева., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Элис Хоффман – одна из самых выдающихся американских романисток, автор более тридцати бестселлеров, которые входят в списки популярных книг года: The New York Times, Entertainment Weekly, The Los Angeles Times, Library Journal и People Magazine. Произведения Элис Хоффман переведены более чем на двадцать языков.

«Правила магии» – приквел к самому известному произведению Хоффман – «Практическая магия». Хотите узнать больше тайн семейства Оуэнс? Тогда скорее погружайтесь в магический мир, где волшебство кроется в самых простых вещах. Приворотные зелья, заклятия на смерть и многовековое семейное проклятье – вы начинаете в этом разбираться. А также усвоите, от чего защищает синий цвет, зачем в кармане нужно носить мешочек с лавандой, как укротить любовь и другие важные правила магии.

«Романы Элис Хоффман обладают невероятной силой. Каждое предложение – будто приворотное заклинание, которое навсегда влюбляет в произведение».

Kirkus Reviews

«Книга, которую ты прочитываешь стремительно, а потом смакуешь и растягиваешь последние страницы, только чтобы не расставаться с волшебной атмосферой».

USA Today

«Сказка сплетается с реальной жизнью. Оуэнсы не могут сбежать от себя. Как и каждый из нас. И так сложно искать способы оставаться собой».

New York Times Book Review

«Мастер магического реализма, Элис Хоффман, возвращает нас в полюбившуюся вселенную семейства Оуэнс. Великолепная проза с яркими персонажами, которые тебя заколдовывают».

Marie Claire

«Проза Хоффман сладкая, нежная, но только не расслабляйтесь, в самый неожиданный момент вы почувствуете вкус уксуса и битого стекла».

NPR Books

«Читать Хоффман – это как упасть в глубокий сон: чувства усиливаются и все становится возможным. И так не хочется просыпаться».

Джоди Пиколт

От любви есть лишь одно средство: любить еще больше.

Генри Торо

Интуиция

Давным-давно, когда мир еще не изменился, можно было сбежать из дома, притвориться кем-то другим и вписаться в приличное общество. Мать так и поступила. Сюзанна была из бостонских Оуэнсов, рода столь древнего, что Общество потомков пассажиров «Мейфлауэра» и «Дочери американской революции» не могли отказать ему в членстве в своих закрытых организациях, хотя, будь их воля, с радостью выставили бы Оуэнсов за дверь и закрыли бы ее на замок, дважды провернув ключ. Личность их родоначальницы, Марии Оуэнс, прибывшей в Америку в 1680 году, оставалась загадкой даже для членов семьи. Никто не знал, кто был отцом ее ребенка и как ей удалось построить такой замечательный дом, ведь она была женщиной одинокой, без явных средств к существованию. В той же мере были сомнительны и потомки Марии. Мужья исчезали бесследно. Дочери рожали дочерей. Дети убегали из дома, и больше их никогда не видели.

В каждом поколении были те, кто бежал из Массачусетса, в том числе и Сюзанна Оуэнс. В юности она умчалась в Париж, потом вышла замуж и обосновалась в Нью-Йорке, скрывая от собственных детей все, что так или иначе касалось их происхождения (для их же блага), отчего всех троих мучили сомнения в том, кто они, собственно, такие. С самого начала было понятно, что они не как другие дети, поэтому Сюзанне не оставалось ничего иного, как установить строгие правила. Никаких прогулок при лунном свете, никаких спиритических досок, никаких свечей, никаких красных туфель, никакой черной одежды, никаких поползновений ходить босиком, никаких амулетов, никаких ночецветных растений, никаких книг о магии, никаких кошек в доме, никаких воронов и ворон, никаких прогулок по городу дальше Четырнадцатой улицы. Однако как ни старалась Сюзанна следить за выполнением этих правил, дети упрямо их нарушали, упорствуя в своей необычности. Фрэнсис была самой старшей. Фрэнсис с бледно-молочной кожей и алыми, как кровь, волосами. У нее еще в колыбели открылся талант общаться с птицами, что слетались к окну ее комнаты, словно их звали. Потом родилась Бриджет с иссиня-черными волосами, очень красивая, очень застенчивая и, похоже, умевшая

читать мысли. Последним родился Винсент, обожаемый всеми младший ребенок, сюрприз во всех смыслах, единственный мальчик в роду Оуэнсов, одаренный музыкант, который насвистывал мелодии еще до того, как научился говорить, такой обаятельный и бесстрашный, что, когда он только начал ходить, встревоженной маме приходилось водить его на шлейке, чтобы он никуда не сбежал.

В конце 1950-х дети росли быстро, и с годами их странное поведение только усугублялось. Они не хотели играть в обычные детские игры и не интересовались другими детьми на площадке в парке. Ночью, когда родители спали, их отпрыски выбирались на улицу через окна фамильного старого дома на Восемьдесят девятой улице в Верхнем Ист-Сайде, скакали на крыше, спускались вниз по пожарным лестницам и часами бродили по Центральному парку. Они писали черными чернилами на стенах гостиной, читали мысли друг друга и прятались в кладовке в подвале, где их никогда не нашла бы мама. Они нарушали все правила одно за другим, словно считая это своим долгом. Френни ходила в черном и выращивала на подоконнике ночецветный жасмин, Джет читала Эдит Несбит и кормила всех уличных кошек в округе, а Винсент начал исследовать Нижний Манхэттен с тех пор, как ему исполнилось десять.

У всех троих были серые глаза – фамильная черта, – но сестры выросли полными противоположностями друг другу. Фрэнсис – угрюмая и недоверчивая, Джет – добросердечная и такая чувствительная, что могла разрыдаться от любого недоброжелательного замечания. Джет, как и их элегантная, стильная мама, следила за модой, а Фрэнсис обычно ходила в мятом старье, непричесанная и взъерошенная. Для нее не было большего счастья, чем испачкать ботинки в грязи во время долгих прогулок по парку. Ее дар позволял призывать диких птиц даже без слов: достаточно лишь поднять руку. Когда она мчалась по лугу, казалось, будто она летит, не касаясь ногами земли. Казалось, она говорила на языке птиц, и в их мире ей было уютнее, чем в мире людей.

Что до Винсента, он обладал таким нечеловеческим очарованием, что уже через несколько часов после его рождения медсестра из родильного отделения Нью-Йоркской пресвитерианской университетской больницы попыталась его похитить, спрятав под плащом. На суде она заявила, что ни в чем не виновата. Похищение

совершилось не по злему умыслу. Она была зачарована этим младенцем и не смогла перед ним устоять. С течением времени подобные жалобы слышались все чаще и чаще. Винсент был избалован до крайности, Джет относилась к нему как к живой кукле, а Фрэнсис – как к материалу для научных экспериментов. Если его ущипнуть, размышляла Фрэнсис, заплачет он или нет? Если дать ему коробку печенья и он съест все в один присест, будет ли его тошнить? Да, как оказалось, и еще раз да. Когда Винсент безобразничал – а такое случалось частенько, – Фрэнсис рассказывала ему сказки собственного сочинения: страшные сказки о наказаниях для непослушных мальчишек, которые не слушают старших. Впрочем, ее назидательные истории совершенно на него не действовали. Но она все равно опекала его и защищала и продолжала защищать, даже когда он стал выше нее.

Все трое ненавидели школу, куда их ценой стольких усилий устроила мама. Для того чтобы детей взяли в школу Старлинга, Сюзанне Оуэнс пришлось давать званые обеды для всей школьной администрации. Хотя их старый дом обветшал из-за отсутствия средств – отец семейства, психиатр, консультировал многих своих пациентов бесплатно, – он все равно производил впечатление. Для званого вечера Сюзанна украсила гостиную серебряными подносами и шелковыми диванными подушками, купленными специально для этого случая и возвращенными в «Тиффани» и «Бендель» буквально на следующий день. Школа Старлинга считалась весьма привилегированным заведением, с постом охраны у главного входа на Семьдесят восьмой улице. Школьная форма была обязательна для всех учащихся, хотя Френни постоянно подтягивала свою серую юбку повыше и спускала колючие гольфы до самых лодыжек, являя миру голые веснушчатые ноги. Ее рыжие волосы вились при влажной погоде, а кожа мгновенно обгорала, стоило ей побыть на солнце больше четверти часа. Френни всегда выделялась в толпе, и ее это жутко бесило. Она была очень высокой и продолжала расти, пока в пятом классе не достигла пугающей отметки в шесть футов ровно. У нее были длинные, совершенно нескладные руки и ноги. После детского сада, где она была выше любого мальчишки, Френни еще десять лет оставалась хмурым и неуклюжим ребенком, пока ей не исполнилось пятнадцать. Она часто ходила в красных сапогах, купленных в секонд-хенде. *Странная девочка*, было написано в

школьных отчетах. *Возможно, следует проконсультироваться с психологом?*

В школе сестер не любили, они считались белыми воронами, если вообще не паршивыми овцами, и Джет была особенно легкой мишенью. Одноклассницы доводили ее до слез язвительными замечаниями и толчками. Когда она стала целыми днями прятаться в девчоночьем туалете, Френни быстро вмешалась. Вскоре все в школе знали, что сестер Оуэнс лучше не трогать, если не хочешь споткнуться на ровном месте или начать заикаться, когда тебя вызывают к доске. От сестер исходила опасность, даже когда они просто сидели в столовой и ели сэндвичи с помидорами или искали книги в библиотеке. Попробуй кого-то из них обидеть, и сляжешь с гриппом или корью. Попробуй кого-то из них разозлить, и тебя вызовут к директору, обвинят, что ты списывал на контрольной или прогуливал уроки. Честное слово, лучше оставить сестер Оуэнс в покое.

Единственным другом Френни был Хейлин Уокер, выше нее на три дюйма и точно такой же замкнутый и нелюдимый. Он происходил из весьма состоятельной семьи и уже в силу рождения был обречен ходить в школу Старлинга. Его дедушка выделил средства на строительство спортивного комплекса «Уокер Холл», который Френни, ненавидевшая физкультуру, переименовала в «Чертов Холл». В шестом классе Хейл устроил акцию протеста: приковал себя к стойке с десертами в школьной столовой и потребовал повышения зарплаты работникам кафетерия. Френни восхитилась его поступком, хотя остальные ученики просто смотрели, выпучив глаза, и не поддержали Хейлина, когда тот начал скандировать: «Равенство для всех».

Когда вахтер, чуть ли не извиняясь, перепилил цепь ножовкой, директор школы провел с Хейлином долгую воспитательную беседу и велел написать сочинение о правах рабочих, что сам Хейл никак не считал наказанием, даже наоборот. Вместо требуемых десяти страниц он накатал целый трактат почти на полсотни страниц с подробными сносками, и примечаниями, и цитатами из Томаса Пейна и Франклина Рузвельта. Он с нетерпением ждал следующего десятилетия. Все изменится в шестидесятых, говорил он Френни. И, если им повезет, они будут свободны.

Хейлин происходил из богатой, привилегированной семьи, но отвергал привилегии и презирал богатство. Ходил буквально в

лохмотьях и в старых ботинках с дырками на подошвах. Он хотел лишь одного: завести собаку и перейти в обычную школу. Родители отказали ему и в том, и в другом. Его отец был крупнейшим акционером одного очень известного международного банка, чей главный офис располагался в Манхэттене с 1824 года. Хейл ужасно этого стыдился. В старших классах он даже подумывал официально сменить фамилию на Джеймс или Смит, чтобы ничто не связывало его с семьей Уокеров и их постыдной алчностью. Он доверял Френни в частности и потому, что ее совершенно не впечатлял внешний лоск. Ее нисколько не интересовало, что он живет в пентхаусе на Пятой авеню и что у его отца есть дворецкий, обучавшийся в Оксфорде и щеголяющий в сюртуке-визитке и начищенных до блеска ботинках.

– Это ж сколько мороки, – всегда говорила Френни.

И самое главное, у них была общая страсть к науке. Сейчас Хейлин изучал воздействие марихуаны на потребление калорий. На данный момент он набрал пять фунтов веса меньше чем за месяц, пристрастившись не столько к траве, сколько к пончикам с джемом. Он был добродушным и очень спокойным, если не рассуждал о биологии, несправедливости или своей верности Френни. Он ходил за ней следом, как преданный пес, и его, кажется, совершенно не волновало, что он выставляет себя на посмешище. Когда они были вместе, его глаза загорались неукротимым огнем, и Френни это пугало. Как будто в нем жил еще один Хейлин, его скрытое «я», питаемое эмоциями, с которыми они оба были еще не готовы столкнуться.

– Расскажи мне о себе все-все-все, – часто просил ее Хейлин.

– Ты и так все обо мне знаешь, – отвечала Френни. Он знал ее лучше, чем кто бы то ни было. Может быть, даже лучше, чем она знала себя сама. И это тоже пугало.

В отличие от Френни и Джет Винсент чувствовал себя в школе совершенно непринужденно. Он начал учиться играть на гитаре и тотчас же превзошел своего учителя, и уже очень скоро толпы влюбленных девчонок ходили за ним по всей школе. Его интерес к магии проявился достаточно рано. Он вынимал монетки из ушей одноклассников и зажигал спички, просто дуя на них. Со временем его способности развились. Одним только взглядом он мог вырубить электричество во всем доме Оуэнсов: сначала лампочки начинали мигать и искрить, а потом выключались совсем. Запертые двери

открывались сами собой, окна распахивались настежь, когда Винсент находился поблизости. Френни неоднократно пыталась его расспросить, как он всему этому научился, но он не желал раскрывать свои методы.

– Догадайся сама, – говорил он с улыбкой.

Винсент повесил табличку на дверь своей комнаты: «Входи на свой страх и риск», но Френни вошла и устроила обыск. В столе и шкафу ничего интересного, зато под кроватью, в темном пыльном пространстве, затянутом паутиной, обнаружилась книга по оккультизму под названием «Маг». Френни знала историю этой книги, входившей в составленный мамой список запрещенных книг. «Маг» был таким популярным, когда только вышел, в 1801 году, что экземпляров на всех не хватило. Люди были готовы пойти на кражу в своем стремлении обладать этим сокровищем, и многие поборники оккультных наук хранили его в тайниках под полом. Изрядно потрепанный экземпляр Винсента по-прежнему обладал могуществом. От него пахло серой, и как только Френни его увидела, она начала дико чихать. Кажется, у нее была аллергия на эту книгу.

«Маг» был настолько горячим, что она обожгла себе пальцы, когда вытаскивала его из тайника под кроватью. Такие книги не появляются у человека случайно. Человек должен знать, что он ищет, и иметь мужество, чтобы справиться с такой вещью.

Френни ворвалась в кухню, где обедал Винсент, и швырнула книгу на стол. Картофельный и капустный салаты полетели во все стороны. Черный с золотом переплет «Мага» давно потрескался от старости. Ударившись о стол, книга издала глухой стон.

– Откуда она у тебя? – спросила Френни.

Винсент и бровью не повел.

– Из букинистической лавки за парком.

– Неправда, – решительно заявила Френни. – Ты в жизни не заходил в книжные магазины!

Винсент мог задурить голову кому угодно, даже Джет, но у Френни было чутье на вранье. Правда представлялась легкой и светло-зеленой, а ложь оседала на пол, тяжелая, как металл, темная сущность, которую Френни всегда избегала, потому что от лжи у нее возникало гнетущее ощущение, будто ее заперли за решеткой. И все же Винсент

был самым обаятельным из лжецов, и Френни безумно любила брата. Особенно в эту минуту, когда он пожал плечами и сказал ей правду.

– Ты права. В магазинах эту книгу не продают. Она до сих пор запрещена.

В начале века все обнаруженные экземпляры были сожжены на площади Вашингтона. Также был издан малоизвестный закон, запрещавший хранить «Мага» в библиотеках Нью-Йорка и продавать в магазинах. В книге, сейчас распластавшейся на столе, Френни подсмотрела гравюру: ведьму ведут на виселицу. Под иллюстрацией стояла дата: 1693. По спине пробежал холодок узнавания. Она недавно готовила доклад по истории суда над салемскими ведьмами и знала, что именно в этот год многие женщины, обвиненные в колдовстве, пытались сбежать из Новой Англии в поисках места, где люди не столь нетерпимы, и находили приют в Манхэттене. Пока в Новой Англии шла маниакальная охота на ведьм, подстрекаемая политикой, жадностью и религией в лице Коттона Мэзера и печально известного своей непреклонной жестокостью судьи Джона Хаторна, в Нью-Йорке состоялось всего два суда над ведьмами, в 1658-м и 1665-м, один – в Куинсе, второй – на Лонг-Айленде, тогда называвшемся Йоркширом, в городке Сетокет, и на обоих процессах обвиняемыми выступали лица, имевшие связи с Бостоном. В Нью-Йорке, как обнаружила Френни, человек мог быть свободным.

– Зачем тебе эта книга?

Кончики пальцев Френни покрылись сажей, в животе поселилась какая-то странная пустота.

Конечно, Винсент есть Винсент, и это вполне *в его духе*: интересоваться оккультными науками, а не чем-нибудь обыкновенным вроде футбола или легкой атлетики. В школе его регулярно отстраняли от занятий за безобразное поведение. В присутствии Винсента ведра с водой опрокидывались, а перцовые баллончики взрывались чуть ли не сами собой. Все это весьма удручало отца, который недавно опубликовал книгу под названием «Чужак в твоём доме», исследование психологии трудных подростков, с посвящением собственным детям, ни один из которых не удосужился почитать папин труд, хотя тот стал чуть ли не бестселлером.

Френни догадывалась, откуда мог взяться «Маг». Оттуда, куда им всем строго-настрога запрещалось ходить. Нижний Манхэттен. По

слухам, там можно было добыть все, что объявлено вне закона в других частях города. Сердца зверей, человеческую кровь, вероятно, смертельные колдовские снадобья. Мама им не разрешала бывать в Гринвич-Виллидже главным образом потому, что там обитала богема и прочие отбросы общества: наркоманы, гомосексуалы и оккультисты, практикующие черную магию. И все же Винсент сумел найти способ туда попасть.

– Поверь мне, тут не о чем волноваться, – пробормотал он, схватив «Мага». – Правда, Френни. Это просто дурацкая старая книга.

– Будь осторожнее, – нахмурилась Френни.

Возможно, эти слова она адресовала не только брату, но и себе, потому что ее часто пугали собственные способности. Не только умение привлекать птиц. Она обнаружила, что стоит ей лишь прикоснуться к сосульке, та сразу тает. Впрочем, этому наверняка есть научное объяснение. Птицы слетаются к ней, потому что она очень спокойная и совсем их не боится, а ее нормальная температура чуть выше средней, поэтому вполне логично, что лед будет таять от соприкосновения с ее руками. Но однажды ночью, стоя на пожарной лестнице за окном своей спальни, она так упорно думала о полете, что ее ноги на миг оторвались от ступеньки и она повисла в воздухе. И вот *это* уже никак не поддается научному объяснению, потому что физически невозможно.

– Мы не знаем, что это такое, – сказала она брату.

– Это что-то внутри, – сказал Винсент. – Что-то в нас. Да, мама хочет, чтобы мы притворялись такими, как все. Но ты сама знаешь, что мы не такие.

Тут было о чем поразмыслить. У сестер были свои таланты, а у Винсента – свои. Он иногда видел будущее – лишь на мгновение, смутными фрагментами. Он знал, что сегодня Френни найдет «Мага» и у них состоится этот разговор. На самом деле он написал у себя на руке синей чернильной ручкой и теперь показал надпись сестре: *Френни находит книгу*.

– Совпадение, – тут же отозвалась Френни. Другого разумного объяснения не было.

– Ты уверена? А вдруг есть что-то еще? – Винсент понизил голос. – Можно попробовать выяснить.

Они сдвинули стулья вплотную и сели рядышком, не понимая, что зреет у них внутри. Когда они сосредоточились, кухонный стол поднялся в воздухе и завис в дюйме от пола. Френни так испугалась, что надавила на него двумя руками, не давая подниматься дальше. Стол опустился и с грохотом встал на место.

– Не сейчас, – быстро проговорила она. – Давай подождем.

– Зачем ждать? Чем раньше мы все узнаем, тем лучше. Надо, чтобы мы управляли всем этим, а не оно нами.

– Ничего *этого* нет, – возразила Френни, хорошо понимая, что брат говорит о магии. – Для каждого действия и реакции существует разумное объяснение.

После случая в кухне стол так и остался слегка скособоченным, и посуда вечно съезжала к краю, словно желая напомнить, что Винсент был прав. Что бы они о себе ни думали, кем бы они ни старались казаться, они все равно не такие, как все.

Эти эксперименты не обрадовали бы доктора и миссис Берк-Оуэнс, если бы они узнали, чем занимаются дети. Доктор с супругой были людьми элегантными и серьезными, проводившими вечера за бокалом «Тома Коллинза» или «Виски сауэра» в Йельском клубе, поскольку после окончания Гарварда будущий доктор поступил в высшую медицинскую школу в Нью-Хейвене, городе, который мама, по ее собственному признанию, надеялась никогда больше не увидеть. Они оба постоянно присматривались к своим отпрыскам в поисках признаков унаследованных отклонений, и на данный момент результаты этих наблюдений были не особенно обнадеживающими. В своих трудах доктор Берк-Оуэнс выдвигал теорию личности, согласно которой природа преобладает над воспитанием, и поэтому ядро личности ребенка никак не изменишь. Он был убежден, что врожденные свойства имеет не только мозг, но и душа. От генетики не убежишь, каким бы здоровым ни было твое окружение, и это не предвещало ничего хорошего для Фрэнсис, Бриджет и Винсента.

К счастью для них, отец был слишком занят со своими многочисленными пациентами, которые украдкой входили в дом Оуэнсов через отдельный вход и спускались в подвал, где располагался папин кабинет. Частенько во время сеансов Винсент тайком пробирался в гостевую прихожую и шарил по карманам пальто

пациентов в поисках денег, леденцов или «Валиума». Потом все трое детей ложились на пол в кухне, расслабленные добытыми Винсентом маленькими желтыми таблетками, сосали мятные леденцы и слушали слезные исповеди папиных пациентов, что поднимались вверх по вентиляционной трубе. Благодаря этим подслушанным сеансам они узнали о депрессиях, маниях, навязчивых идеях, либидо и неврозах задолго до того, как большинство их ровесников впервые услышали слово «психиатрия».

Каждый год приходила посылка из Массачусетса: большая коробка пахнущего лавандой черного мыла, завернутого в хрустящий целлофан. Сюзанна не говорила, кто шлет это мыло, однако исправно им пользовалась. Возможно, поэтому ее кожа всегда была гладкой, молодой и сияющей. Френни открыла «волшебные» свойства мыла, когда однажды на Рождество украла один брусок. Они с Джет испробовали его на себе, и их кожа вмиг засияла, но от этого мыла на них напала смешинка, и они хохотали как сумасшедшие и никак не могли перестать. Они наполнили раковину пузырьками, принялись брызгать друг на друга водой и вскоре промокли до нитки. Когда мама вошла и увидела, как они дурачатся и бросают друг другу скользкий брусок, словно горячую картофелину, она быстренько отобрала у них мыло.

– Это не для детей, – сказала она, хотя Френни было почти семнадцать, а Джет летом исполнялось шестнадцать.

Было ясно, что мама что-то скрывает от них под густым слоем туши на длинных ресницах. Она никогда не рассказывала о своей семье, и дети ни разу не видели ни единого родственника. Дети росли, их подозрения крепили. Сюзанна Оуэнс всегда говорила загадками и никогда не давала прямых ответов. «Не держите приборы скрещенными», – говорила она, если за столом кто-то ссорился. Если сливочное масло тает на тарелке, значит, кто-то в доме влюблен. Птица, залетевшая в дом, вынесет в окно несчастья. Она настойчиво требовала, чтобы дети носили синее для защиты и клали в карманы мешочки с лавандой, хотя Френни тут же выкидывала лаванду, когда знала, что мама ее не видит.

Дети стали всерьез опасаться, что их мама – шпион. Россия была врагом, и в школе Старлинга часто проходили учебные тревоги:

ученикам велели прятаться под парты, прикрывая головы руками. У шпионов нет ни близкой родни, ни семейной истории, точно как у их мамы. Речи шпионов уклончивы, как у мамы. Они сочиняют себе легенды, чтобы скрыть свою настоящую историю и свои истинные намерения, и Сюзанна ни разу не упоминала о том, где она выросла и училась, и ничего не рассказывала о своих родителях, кроме того, что они умерли молодыми. Трагически погибли в круизе. Дети знали совсем немного: Сюзанна родилась в Бостоне, какое-то время работала манекенщицей в Париже, потом вышла замуж за отца своих детей, который был сиротой без семьи. Мама была элегантной, шикарной женщиной, носила черные с золотом темные очки даже в самые пасмурные дни, заказывала дорогую дизайнерскую одежду из Парижа и всегда пользовалась духами «Шанель № 5», и все комнаты в доме пропитались их тонким ароматом.

– А потом появились вы, – радостно говорила она, хотя всем было ясно, что дети стали для нее испытанием. Она была явно не предназначена для тихой семейной жизни. Она не умела готовить, и любая работа по дому приводила ее в недоумение. Стиральная машина причиняла ей нескончаемые страдания и часто протекала. Плита постоянно ломалась, и все, что готовила мама, либо пригорало, либо получалось полусырым. Она умудрялась испортить даже макароны с сыром. Раз в неделю к ним приходила уборщица, пылесосила и мыла полы, но Сюзанна дала ей расчет, когда обнаружила, что та учит детей обращаться со спиритической доской, каковая была конфискована и сожжена в камине.

– Вы знаете правила, – кричала Сюзанна. – Нельзя призывать тьму, если вы не готовы отвечать за последствия. – Она выглядела диковато, когда, схватив кочергу, принялась запихивать доску поглубже в огонь.

Ее приверженность правилам лишь разжигала в детях любопытство. Почему мама плотно задергивает шторы в ночь на первое мая, так что весь дом погружается в темноту? Почему в лунные ночи она ходит в темных очках? Почему она впадает в панику, если дома кончается соль, и бежит в магазин со всех ног? Они искали подсказки, хоть что-нибудь, что прольет свет на историю их семьи, но в доме было не много памятных вещиц, хотя однажды Френни нашла старый фотоальбом, завернутый в кисею, на верхней полке шкафа в

прихожей. Там были выцветшие фотографии женщин в пышном, заросшем саду, улыбавшихся в объектив девочек в длинных юбках, черной кошки на дощатом крыльце, совсем молодой мамы на фоне собора Парижской Богоматери. Когда Сюзанна вошла в гостиную, где Френни сидела, рассматривая альбом, она тут же его отобрала.

– Это для твоей же пользы, – мягко проговорила она. – Я хочу, чтобы ты жила нормальной жизнью.

– Мама, – вздохнула Френни. – А почему ты не спросишь, чего хочу я?

Чему быть, того не миновать, нравится это вам или нет. В одно июньское утро жизнь всех троих изменилась раз и навсегда. Это был 1960 год, и как-то вдруг мир наполнился ощущением, что может произойти все, что угодно, – внезапно и без всякого предупреждения. Хорошо, что закончился учебный год, но в городе было жарко и душно. Нью-Йорк превратился в котел, где кипел влажный спертый воздух. Когда температура перевалила за девяносто^[1] и сестры с братом уже сходили с ума от скуки, по почте пришло письмо. Конверт как будто пульсировал, словно внутри билось сердце. Хотя на нем не было марки и штемпеля, письмо доставили по назначению, и почтальон опустил его в прорезь во входной двери дома Оуэнсов.

Взглянув на конверт, Сюзанна сказала:

– Это от моей тети Изабель.

– У нас есть тетя? – удивилась Френни.

– Господи, только не это, – вставил свое слово доктор Берк-Оуэнс. – Не вскрывай письмо.

Но Сюзанна уже просунула ноготь под клапан конверта. У нее было странное выражение, словно она открывала дверь, закрытую давным-давно.

– Это приглашение для Френни. Все получают подобное приглашение, когда им исполняется семнадцать. Такая традиция.

– Значит, мне надо ехать, – быстро проговорила Френни. – Куда угодно, лишь бы сбежать хоть на время от маминых правил.

– Если поедешь, все будет иначе, – предостерегла ее мама. – Все изменится навсегда.

– Это вряд ли, – сказала Френни, отбирая у мамы конверт. Она всегда была смелой и всегда делала то, на что не отваживались другие.

К тому же письмо адресовано ей, а не маме.

– Массачусетса следует избегать, – заметил папа. – Любые контакты с членами семьи проявят доселе латентные свойства личности.

Не обращая внимания на папу, Френни читала письмо, написанное мелким старомодным почерком, похожим на птичьи следы.

Тебе надо выехать уже сегодня и прибыть к ужину.

– Ты тоже ездила, когда тебе было семнадцать? – спросила Френни у мамы.

Сюзанна моргнула, ее серые глаза потемнели. Но под пристальным взглядом Френни она не смогла солгать.

– Да, – призналась она. – Потом сразу поехала в Париж, и на этом все благополучно закончилось. Но ты... – Она покачала головой. – Даже не знаю, как тебя отпускать одну. Ты и так-то упрямая и непослушная.

– Я послушная! – сказала Френни просто из духа противоречия.

Винсент наступил Френни на ногу, чтобы заставить ее замолчать. Винсент хотел приключений.

– Мы едем с ней, – сказал он.

– Мы за ней присмотрим, – добавила Джет.

Они уже все решили. Они сбегут на все лето. Пока родители спорили, что-то доказывая друг другу, Френни, Винсент и Джет бросились собирать вещи – главное не забыть купальники и сандалии! – радостные и взволнованные от мысли, что наконец-то они узнают о своей семье.

Когда они принесли в кухню рюкзаки, чемоданы и гитару Винсента, мама сидела за столом одна. С красными, припухшими глазами. Дети озадаченно уставились на нее. Кто она, союзник или враг?

– Это официальное приглашение, – сказала она. – Я объяснила вашему папе, что не поехать нельзя, иначе тетя обидится. Не знаю, понял он или нет. – Она повернулась к Винсенту и Джет. – Вы же присмотрите за сестрой, да?

Они заверили ее, что да.

– Изабель вас удивит, – продолжала Сюзанна. – Она станет устраивать вам испытания, когда вы их меньше всего ожидаете. Вам

будет казаться, что никто вас не видит, но она видит и знает все. И вы должны пообещать, что вернетесь ко мне, – сказала она со слезами в голосе. Сюзанна редко проявляла столь сильные чувства, и дети приняли к сведению ее отчаяние. После такого поездка в Массачусетс обрела дополнительный смысл.

– Конечно, вернемся, – сказала Френни. – Мы же ньюйоркцы.

– Мы едем только на лето, – уверила Джет маму.

Каждый когда-нибудь покидает родительский дом, разве нет? Вот и им предстояло отправиться в самостоятельное путешествие, узнать, кем они были и что ждет их в будущем. Но для начала Винсент хотел лишь одного: скорее купить билет на автобус, – и, взглянув на сестер, он увидел, что они с ним согласны. Пути назад нет. Никто не захочет вернуться к обыденной жизни, которой их заставляют жить дома.

Они приехали в день летнего солнцестояния, когда световой день такой длинный, что кажется, будто тебе подарили все время в мире. Повсюду цвели розы. В мягких вечерних сумерках воздух казался зеленым от взвеси пыльцы. Они шли по улицам маленького городка, и все соседи прилипли к окнам, чтобы на них поглазеть. Всем было известно, что одетые в черное незнакомцы, скорее всего, держат путь на улицу Магнолий. Большинство жителей городка избегали Оуэнсов, веря, что всякие сношения с этой семейкой испортят не только настоящее, но и будущее. Ходили слухи, что среди Оуэнсов есть такие, кто может бросить в кастрюлю с водой конский волос и превратить его в змею. Если кто-то из них насыпет на земле круг из пыли, лучше там не ходить, даже когда пыль исчезнет, иначе провалишься в яму неумных страстей или горестных сожалений, из которой не выберешься никогда.

– Кажется, нам здесь не рады, – встревоженно проговорила Джет под недобрыми взглядами местных.

– И черт бы с ними, – отозвалась Френни. Ее сестра так ничему и не научилась в школе Старлинга? Суждения других совершенно бессмысленны, если ты сам не придаешь им значения.

В четырнадцать лет Винсент уже был красавцем, себе на беду. Высокий – шесть футов четыре дюйма – и статный, несмотря на свою худобу. Сейчас он потряс кулаком в воздухе и заулюлюкал, обводя взглядом улицу. Тут же во всех домах защелкали замки и запоры.

– Прекрасно, – сказал Винсент. – У нас с ними не будет проблем.

Он выделялся всегда и везде, и особенно здесь, в маленьком городке, где мальчишки – его ровесники – носили мешковатые джинсы и играли в бейсбол на пыльном поле, но сейчас прервали игру и уставились на чужаков. Красавчик Винсент с черными, зачесанными назад волосами нес за плечом гитару, с которой не расставался, несмотря на отцовское заявление, что гитара, как и спортивные автомобили, есть проекция травмированного мужского эго.

– Да, я травмирован, – пожимал плечами Винсент. – А кто нет?

Они дошли до конца улицы Магнолий и остановились, пораженные и даже немного испуганные. Дом был огромным, с покосившимися кирпичными трубами и зелеными стеклами в окнах. Прилегающий к дому участок был обнесен высокой кованой оградой, но ворот в поле зрения не наблюдалось.

– Вы ничего не чувствуете? – спросил Винсент у сестер.

– Комаров? – отозвалась Френни, глядя на грязные лужи в саду. – Возможно, хорошие шансы подхватить дизентерию.

Винсент скорчил рожу.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского, – объявил он и пошел на разведку. Сад разросся так пышно, что от этой дремучей зелени кружилась голова. Был здесь и курятник с большим открытым загонем, где пестрые и белые курочки клевали зерна, рассыпанные по земле. Садовый сарайчик утопал в зарослях сорняков выше Винсента. Теплица, закрытая на большой висячий замок, казалась вполне подходящим потенциальным убежищем, если тебе вдруг захочется скрыться от всех.

– Сюда, – позвал Винсент, продравшийся сквозь колючие кусты и обнаруживший ржавую калитку, что выводила к дорожке, выложенной голубоватым песчаником. Сестры последовали за Винсентом и поднялись на крыльцо. Френни уже собралась постучать, но дверь открылась сама собой. Все трое как по команде сделали шаг назад.

– Просто дом очень старый, – сказала Френни рассудительным голосом. – И дверь тоже старая. Сегодня жарко, и деревянная рама разошлась.

– Ты так думаешь? – Винсент выпрямился в полный рост и заглянул в сумрак за дверью. Он почувствовал легкий сквозняк, хотя

ветра на улице не было. – Мне кажется, тут что-то еще. И ему сотни и сотни лет.

Изабель Оуэнс сидела в кухне спиной к двери. Она была грозной, внушительной женщиной: пусть невысокая, шупленькая, но с величавой статью. Ее седые, абсолютно белые волосы были небрежно заколоты на затылке, но лицо казалось свежим и молодым, несмотря на почтенный возраст. Она всю жизнь ходила только в черном, и сегодняшний день не стал исключением. Френни смотрела на тетю как замороженная, пока та резко не обернулась к ней. Френни пригнулась, спрятавшись за каким-то растением в большой кадке, ее сердце бешено колотилось в груди. Винсент и Джет присели на корточки рядом с сестрой, зажимая руками рты, чтобы не взорваться смехом. Они в жизни не видели Френни такой смущенной.

– Тише, – шикнула она на них.

– Я так и думала, что вы приедете все втроем, но почему вы не заходите в дом? Вы трусливые кролики или храбрые люди? – крикнула тетя из кухни. – Кролики убегают, считая, что так безопаснее, но тут-то их и хватают ястребы. А храбрые люди садятся за стол и ужинают со мной.

Они сделали, как было велено, хотя всех троих не покидало странное чувство, будто они заходят не просто в дом, а в новую жизнь.

Френни вошла первой, что было правильно: она старшая из троих и должна защищать младших. К тому же она сгорала от любопытства. Кухня оказалась огромной, с древним сосновым столом, за которым могла бы усесться и дюжина человек, и большой черной плитой, почти антикварной. Изабель приготовила овощное рагу и сливовый пудинг, испекла хлеб с розмарином. На столе стояли белые фарфоровые тарелки с синим узором. Старые оловянные столовые приборы давно нуждались в хорошей чистке. В доме не было часов, и это как будто предполагало, что время здесь течет в своем темпе, отличном от времени за порогом.

– Спасибо за приглашение, – вежливо проговорила Френни.

Надо же было хоть что-то сказать человеку, которого ты совершенно не знаешь и с которым тебе предстоит провести целое лето. Тем более если этот человек обладает некоей странной силой, которую явно следует уважать.

Изабель пристально посмотрела на нее.

– Если ты вправду хочешь меня отблагодарить, сделай что-нибудь с гостем в столовой.

Сестры и брат со значением переглянулись. Наверняка это было одно из тех испытаний, о которых их предупреждала мама.

– Хорошо. – Френни даже не уточнила, в чем именно состоит поручение. – Я попробую.

Винсент и Джет пошли следом за ней, изнывая от любопытства. Дом был огромным, в три этажа. Во всех комнатах – тяжелые плотные шторы на окнах, чтобы не пропускать солнце, и полированное дерево, которое, несмотря на кружившую в воздухе пыль, сверкало чистотой. Пятнадцать пород древесины было использовано для изготовления каминных полок и стеновых панелей, включая золоточешуйчатый дуб, серебристый ясень, вишневое дерево и несколько видов ныне исчезнувших деревьев. В доме было две лестницы, черная и парадная. На черной лестнице, как-то странно искривленной, вечно гуляли сквозняки. Резная парадная лестница из красного дерева поражала изяществом линий. Сестры и брат на миг задержались на лестничной площадке между этажами, где была ниша с диванчиком под окном и портретом красивой черноволосой женщины в синем платье.

– Это Мария Оуэнс, наша родоначальница, – сказала тетя, провожавшая их в столовую.

– Она на нас смотрит, – шепнула Джет брату.

Винсент усмехнулся.

– Что за бред? Хватит выдумывать, Джет.

В столовой было почти темно, шторы на окнах плотно задернуты. Как оказалось, их поджидал вовсе не призрак, которого надо прогнать, а всего-навсего крошечная бурая птичка, умудрившаяся влететь в приоткрытое окно. Каждый год на день летнего солнцестояния воробей пробирался в дом, и его надо было выгнать в окно метлой, чтобы вместе с ним улетели все беды и неудачи. Изабель уже собиралась вручить Френни метлу, но в этом не было необходимости. Воробей подлетел к Френни сам, как к ней всегда подлетали птицы в Центральном парке, и сел ей на плечо, распушив перья.

– Впервые такое вижу, – сказала Изабель, изо всех сил стараясь не выдать своего изумления. – Ни одна птица так раньше не делала.

Френни взяла воробья в чашечку ладоней.

– Привет, – сказала она. Воробей смотрел на нее яркими глазками-бусинками, успокоенный звуком ее тихого, мягкого голоса. Френни подошла к окну и выпустила воробья на улицу. Джет и Винсент тоже подошли посмотреть, как он скрылся в ветвях очень старого дерева, одного из немногих вязов, переживших болезнь, что погубила почти все вязы в округе. Френни обернулась к тете. Что-то прошло между ними – невысказанное одобрение.

– Вот вы и дома, – сказала Изабель.

Обустроившись в тетинном доме на улице Магнолий, они уже искренне не понимали, почему не проводили здесь каждое лето. Тетя Изабель оказалась на удивление сговорчивой. Ее совершенно не волновало, что они делают и как проводят день. Никакого режима, никакого здорового питания, никакого отбоя в строго определенное время. Конфеты на завтрак. Сладкая газировка весь день. Можно ложиться с рассветом, а потом спать до полудня. Их никто не заставлял поддерживать в своих комнатах порядок и убирать за собой.

– Делайте что хотите, – говорила им тетя. – Главное, никому не вредите.

Если Винсент хотел выкурить сигарету, ему не нужно было прятаться за сараем, хотя Изабель не одобряла курение. Оно подпадало под категорию вреда, пусть даже Винсент вредил только себе.

– Это плохо для легких, – ворчала Изабель. – Хотя, как я понимаю, тебе нравится искушать судьбу. Не волнуйся, все образуется.

Казалось, тетя знает о Винсенте то, чего не знали даже его сестры. Он никогда никому не рассказывал, что часто испытывает приступы безотчетной тревоги, когда проходит мимо зеркал. Кто он на самом деле? Пропавший без вести человек? Тело без души? Он что-то утаивал от себя самого, и, возможно, ему пригодился бы добрый совет. Он затушил сигарету в горшке с геранью, по-прежнему не убежденный, что ему надо заботиться о собственном здоровье или переживать из-за своих привычек.

– Мы все так или иначе убиваем себя, – сказал он.

– Но не стоит торопить события. – Изабель вытащила из горшка окурки, чтобы никотин не отравил растение. – Ты хороший мальчик, Винсент, что бы ни говорили другие люди.

Единственный свет, горевший в городе после полуночи, горел на заднем крыльце дома Оуэнсов. Его зажигали здесь сотни лет. Сперва это был огонек масляной лампы, потом – газовой, теперь – электрической. Мотыльки порхали среди плюща. В этот час приходили поздние гости: женщины в поисках снадобий от крапивницы, лихорадки или разбитого сердца. Может быть, местные и недолюбливали семью Оуэнсов и переходили на другую сторону улицы, встречая Изабель, когда та шла на рынок, прячась от солнца под черным зонтом, но едва возникала нужда, они пробирались сквозь заросли колючих кустов и звонили в колокольчик на заднем крыльце ее дома, зная, что их здесь примут, если на крыльце горит свет. Посетительниц приглашали на кухню, где те садились за старый сосновый стол. Гости рассказывали о своих бедах, иногда даже слишком подробно.

– Давайте короче и по существу, – всегда говорила им Изабель, и под ее колючим, суровым взглядом они и вправду старались быстрее изложить свою просьбу. Цена за исцеление разнилась от полдюжины яиц до колечка с бриллиантом в зависимости от обстоятельств. За символическую плату можно было получить настойку из хрена и жгучего перца от кашля, семена укропа, чтобы избавиться от икоты, чай от лихорадки, чтобы прибить простуду в зародыше, или чай от печали – унять тревоги потерявшей сон матери блудного сына. Но были запросы на снадобья, которые стоили намного дороже. За них надо было отдать самое ценное из того, что имела просительница. Отбить возлюбленного у соперницы, соткать паутину, что сокроет греховное деяние, наставить преступника на путь истинный, достучаться до человека на грани отчаяния и вернуть его к жизни – такие снадобья были недешевы. Френни нашла в кладовой несколько весьма зловещих ингредиентов: окровавленное голубиное сердце, полдюжины дохлых лягушек, стеклянный флакон с человеческими зубами, пряди волос, которые надо сжигать или варить в кипятке в зависимости от того, хочешь ты приворожить человека или же, наоборот, отвести от себя.

Когда к Изабель приходили ночные гости, Френни подслушивала, прячась на черной лестнице. Она купила в аптеке синий блокнот, чтобы записывать рецепты тетиных зелий. Калохортус, чтобы запоминать сновидения. Лимонная мята для спокойного,

крепкого сна. Семена черной горчицы, чтобы избавиться от кошмаров. Снадобья на основе миндального масла, абрикосовой косточки или мирры, смолы деревьев, растущих в пустыне. Два яйца под кроватью очищают испорченную атмосферу. Важно помнить, что потом эти яйца ни в коем случае нельзя есть. Уксус для очищающего омовения. Чеснок, соль и розмарин – древний способ отвести зло.

Если женщина хочет ребенка, ей надо повесить над кроватью ветку омелы. Если это не поможет, надо взять кусок крепкой веревки, завязать на ней девять узлов, потом сжечь веревку и съесть ее пепел, и очень скоро случится зачатие. Синяя одежда дает защиту. Лунные камни полезны для связи с живыми, топазы – для связи с мертвыми. Медь, священный металл Венеры, привлечет к тебе желанного мужчину, черный турмалин устранил ревность. Во всем, что касается любви, следует соблюдать осторожность. Если сжечь в пламени свечи вещицу, принадлежащую человеку, в которого ты влюблена, потом добавить сосновые иголки и свежие цветы бархатцев, этот мужчина придет к тебе следующим утром, поэтому лучше не проводить ритуал, если ты не уверена, что тебе этого хочется. Самое элементарное и самое же надежное приворотное зелье варится из аниса, розмарина, меда и палочек гвоздики, которые следует кипятить девять часов на медленном огне на задней конфорке старой плиты. Оно всегда стоит 9 долларов и 99 центов и поэтому называется «Приворотным зельем номер девять» и действует лучше всего в девятый час девятого дня девятого месяца.

Наслушавшись теть, Френни решила, что магия не так уж сильно отличается от науки. И та, и другая ищут смысл там, где его нет – проблески света в темноте, ответы на извечные вопросы, слишком сложные для человеческого разума. Тетя Изабель знала, что племянница подслушивает на лестнице и делает записи, но ничего не сказала. Она питала особое чувство к Френни. Они были во многом похожи, о чем Френни даже не подозревала.

Все складывалось так удачно. Изабель засиживалась допоздна с посетительницами и частенько ложилась вздремнуть после обеда. Фрэнсис, Джет и Винсент наслаждались свободой, целыми днями предоставленные самим себе. Они все вместе отправились в город, мимо старого кладбища, где на всех надгробиях были выбиты имена

только Оуэнсов. Они остановились у ржавых ворот и какое-то время стояли в молчании, слегка потрясенные этими древними, заросшими мхом камнями. Джет хотела пойти посмотреть, но остальные ее не поддержали.

– Сейчас лето, никто над нами не надзирает. Давай поживем хоть немножко, – сказала Френни, схватила Джет за руку и повела прочь от кладбищенских ворот.

– Давайте жить *на всю катушку*, – предложил Винсент. – Насколько это вообще возможно в таком мрачном, занюханном городишке.

Они взяли себе по молочному коктейлю, прогулялись по тенистым зеленым улицам, потом улеглись на траве в парке и стали смотреть, как сердитые лебеди гоняют плохо воспитанных детей. Это было забавно. В особенно жаркие дни Френни, Джет и Винсент ходили на озеро Лич-Лейк, где, кроме них, никто почти и не купался, потому что в мутной воде за прибрежными камышами на пловцов сразу набрасывались пиявки. Френни всегда носила в рюкзаке пакетик с солью, чтобы избавляться от присосавшихся пиявок, но те даже к ней не приближались. Ни к ней, ни к Винсенту, ни к Джет.

– Чтоб вас тут не было, – кричала она, заходя в воду, и пиявок действительно не было.

Сестры с братом часами валялись на солнышке на берегу, потом подзадоривали друг друга нырнуть в ледяную зеленую воду со скалистого выступа, нависающего над озером. И как бы глубоко они ни ныряли, их тут же выбрасывало на поверхность. Они не могли погрузиться под воду, какая-то сила выталкивала их наверх.

– Мы какие-то странно плавучие, – со смехом проговорила Джет.

Она плыла на спине, поднимая фонтаны брызг. Даже в старомодном черном купальнике она была великолепна. Юная женщина в самом расцвете своей красоты, разжигающей зависть или вождеделение.

– Вы сами знаете, кто не может утонуть, – заметил Винсент, сидевший на большом плоском камне у берега.

Он узнал об этом из «Мага», где были иллюстрации, на которых женщин, привязанных к стульям, погружали в пруд. Он откинул с лица свои длинные черные волосы и мельком подумал, что папу, наверное,

хватит удар, когда сын вернется в город с такими космами. Не дождавшись ответа от озадаченных сестер, он пояснил:

– Ведьмы.

– Всему есть научное объяснение, – отозвалась Френни в своей резкой прямолинейной манере. – Я не верю в волшебные сказки.

– Френни, – твердо проговорил Винсент. – Ты знаешь, кто мы такие.

Ей не нравились намеки брата. И кто же они? Какие-то нелюди, которых боятся обычные люди и с улюлюканьем гонят по улицам? Не потому ли здешние жители их избегают и не потому ли поднялся стол в тот странный день, когда Френни с Винсентом пытались проверить, на что они оба способны?

– Я люблю сказки, – мечтательно проговорила Джет.

Она была как водяная нимфа, скользящая по глади озера, дух чистой стихии. Она вышла на берег, вытерлась полотенцем и расстелила кружевную скатерть на плоском камне. Они сели обедать. Еда была скромной, но сытной: сэндвичи с яичным салатом, стебли свежего сельдерея. Джет взяла термос с чаем от печали, который она приготовила по рецепту, найденному в тетиной кухне. Каждый, кто пьет этот чай, обретает хорошее настроение и бодрость духа – качества, с точки зрения Джет, крайне необходимые Френни.

За обедом они обсуждали свою неспособность утонуть.

– По-моему, все ясно, – улыбнулся Винсент. Он поднял руки, и стайка зябликов вырвалась из прибрежных зарослей и взвилась в воздух взвихренным облаком. – Видите, что я имею в виду? Мы не такие, как все нормальные люди.

– *Нормальный* — это не научное определение, – отмахнулась Френни. – К тому же испугнуть зябликов может каждый. И кошка тоже. Ты попробуй позвать их к себе. – Она подняла руку, и ей на ладонь сразу же сели два зяблика. Френни легонько подула на них, чтобы согнать. Она очень гордилась этой своей способностью.

– Что и требовалось доказать! – рассмеялся Винсент. – Ты сама подтвердила мои слова. – Он нырнул в озеро, но вода тут же вытолкнула его, не желая принять. – Смотрите! – весело крикнул он, плывя не в воде, а *над* водой.

В тот вечер за ужином Винсент заговорщически посмотрел на сестер и спросил у тети, правду ли говорят люди о семье Оуэнсов.

– Вы знаете, кто вы такие, – ответила Изабель. – И я советую никогда этого не отвергать.

Она рассказала им об одной девушке из Оуэнсов по имени Мэгги, которая как-то приехала сюда на лето и очень старалась подружиться с местными, рассказывая им небылицы о своей семье. Как они танцуют голыми в саду под луной, изводят ни в чем не повинных людей и вызывают с небес град и грозы. Дошло до того, что она написала большую статью для местной газеты, в которой всячески очерняла Оуэнсов и предлагала упрятать их всех в тюрьму.

Мэгги выставили за дверь и велели возвращаться в Бостон. Когда против нас целый мир – это одно, но когда кто-то свой... Это уже совершенно другая история.

Мэгги Оуэнс была в ярости. Она стояла на крыльце перед запертой дверью и ругалась на чем свет стоит, и с каждым новым проклятием в адрес Оуэнсов она уменьшалась в размерах. Есть чары, которые действуют против тебя самого. Или, может быть, Оуэнсы в доме поставили перед входом черное зеркало, отражающее проклятия. Каждое злое слово, произнесенное Мэгги, возвращалось обратно к ней. Она не смогла даже открыть замок на двери. Вся ее магия иссякла. Когда отвергаешь ту силу, что живет у тебя в крови, когда перестаешь быть собой, очень легко превратиться в кого-то другого – скорее всего, в первое существо, что попадетя тебе на глаза. В данном случае это был кролик, проникший в сад. Мэгги заснула в траве женщиной, а проснулась крольчихой. Теперь она кушает травку и пьет молоко, которое ей оставляют в блюдечке на заднем крыльце.

– Смотрите в оба, – сказала Изабель. – Может быть, вы увидите ее во дворе. Вот что бывает, когда отрекаешься от себя. Сама жизнь действует против тебя, и ты теряешь свою судьбу.

Джет очень нравился тетин сад с его тенистыми уголками с бурно разросшимися азалиями и дикими ландышами, но после истории, рассказанной Изабель, она всегда нервничала, глядя на кроликов, приходивших поживиться петрушкой, мятой и кудрявым латуком.

– Не бойся, – однажды сказала ей Френни. – Мы-то точно не превратимся в кроликов. Мы не такие тупые.

– Я бы лучше стал лисом, – заметил Винсент, на миг оторвавшись от своей гитары. Он разучивал песню Джека Эллиотта. – Хитрым, коварным и скрытным.

– А я бы кошкой, – сказала Джет.

У тети было шесть черных кошек. Один котенок по имени Грач особенно привязался к Джет и ходил за ней следом, как хвостик. Ее мучило подозрение, что Изабель рассказала историю об отступнице Мэгги, обращаясь конкретно к ней. Это было предупреждение за все те разы, когда Джет хотелось быть самой обыкновенной девчонкой.

Крупный бесстрашный кролик сердито тарачился на сестер из-под листьев одуванчиков. У кролика были черные усы и серые глаза. По спине Джет пробежал холодок.

– Мэгги? – тихонько позвала она. Ответа не было. – Может, дать ей молока? – спросила Джет у Френни.

Френни пренебрежительно фыркнула.

– Зачем ему молоко? Это же просто кролик. – Френни швырнула в сторону кролика пучок травы. – Кыш! – велела она.

К их удивлению и даже смятению, кролик остался на месте, продолжая невозмутимо жевать листья одуванчиков.

– Это она, – прошептала Джет, подтолкнув сестру локтем.

– Мэгги? – позвала Френни. Она не поверила в тетину историю, но в этом кролике и вправду было что-то странное. – Уходи! – сказала она.

Джет подумала, что лучше вежливо попросить, чем приказывать.

– Милый кролик, – почтительно проговорила она, – пожалуйста, оставь нас в покое. Нам очень жаль, что все так получилось, но ты сама виновата. Мы тут ни при чем.

Кролик послушался и ускакал в рощу за садом, где стоял пчелиный улей. Собирая крестовник и куманику, Джет решила, что будет исправно каждое утро ставить на заднем крыльце блюдечко с молоком. Глядя вслед кролику, Френни подумала, что, возможно, за кротким нравом сестры скрывается намного больше, чем представляется им с Винсентом. Возможно, они совершенно ее не знают.

Теперь и у Френни были свои подозрения о доставшемся им наследии. Она взяла в привычку гулять в одиночестве дождливыми вечерами. Пока брат с сестрой предавались безделью, Френни сидела в публичной библиотеке, листая старые номера «Салемского Меркурия» и «Эссекского вестника». Она узнала, что женщины из рода Оуэнсов издавна считались ведьмами. В городской регистрационной книге,

хранившейся в отделе редких изданий и рукописей, был перечислен целый ряд преступлений, в которых обвинялись члены их семьи еще в те времена, когда всякую женщину, заподозренную в противоестественных деяниях, топили в озере Лич-Лейк. Поскольку ведьмы не могли утонуть, им набивали карманы камнями. Карманы, ботинки, а то и рты, которые потом зашивали черными нитками. Преступления Оуэнсов включали в себя колдовство, чародейство, наведение порчи, кражу коровы, применение трав для лечения хворей, вспоможение при родах, не освященных узами брака, и проклятие врагам, на чьи головы сыпались беды. Самым ярким из обвинителей был судья Джон Хаторн, своей властью отправивший многих невинных на смерть.

Френни нашла запись о том, что дневник Марии Оуэнс хранится в отделе редких изданий и рукописей. Дневник был спрятан в отдельном ящике, который библиотекаря открыла массивным железным ключом. Замок заело, и с ним пришлось изрядно повозиться. Сам дневник оказался тоненькой тетрадкой в заляпанном сине-сером переплете, на который для лучшей сохранности надели прозрачную пластиковую обложку.

– Вы с ним осторожнее, – предупредила библиотекаря, которая явно боялась тонкого тома и не пожелала к нему прикасаться. Она выдала Френни пару матерчатых белых перчаток, чтобы та не испортила хрупкие, высохшие страницы. В комнате было так пыльно, что Френни дико расчихалась.

– У вас ровно двадцать минут, – сказала библиотекаря. – А то могут быть неприятности.

– Неприятности? – озадаченно переспросила Френни.

– Вы знаете, что я имею в виду. Это книга колдовских заклинаний, которую Мария Оуэнс писала в тюрьме. По-хорошему, ее следовало бы сжечь, но дирекция библиотеки даже слушать об этом не хочет. Они боятся, что, если уничтожить книгу, с нами случится беда. Так что, хочешь не хочешь, приходится ее хранить.

Остерегайтесь любви, написала Мария Оуэнс на первой странице своего дневника. Знайте, для нашего рода любовь есть проклятие.

Френни стало тревожно при упоминании о проклятии. Потому что все лето она писала Хейлину письма. По пятницам после обеда она относила их на почту и забирала все письма, которые Хейл отправлял

ей до востребования. В Нью-Йорке Хейлин изучал экосистему Лоха, извивающейся маленькой речки в лесной части Центрального парка, известной как Дебри. По ночам там собирались светляки и синхронно мерцали: то загорались, то гасли. Как будто у них был один пульс на всех, их сердца бились в едином ритме, посылая во тьму один и тот же сигнал. Подобные явления наблюдались в национальном парке Грейт-Смоки-Маунтинс и в лесном заповеднике Аллеени, но Хейлин, похоже, был первым, кто обнаружил этот феномен в Манхэттене.

В то лето Френни ежедневно ходила в библиотеку, в отдел редких изданий и рукописей, и читала дневник. Библиотекари к ней привыкли и почти не обращали внимания на высокую рыжеволосую девушку, приходившую изучать записи Марии Оуэнс, сделанные таким мелким почерком, что рецепты лекарственных снадобий можно было прочесть только с помощью увеличительного стекла. Присутствие Френни слегка оживило эту угрюмую, пропыленную комнату, ее жажда знаний и интерес к местной истории импонировали сотрудникам библиотеки, и ей иногда разрешали просидеть с дневником целый час, хотя это было нарушением правил. Библиотекари по понятным причинам были искренне убеждены, что всякую книгу надо читать.

Дочитав дневник до конца, Френни поняла, что одно разбитое сердце отразилось на судьбе всего рода. Марию бросил отец ее ребенка, человек, чье имя она ни разу не назвала. *Достаточно будет сказать, что он должен был стать мне врагом, но я полюбила его всей душой и совершила ошибку, признавшись ему в любви.* Она хотела защитить свою дочь, и дочь своей дочери, и всех дочерей рода Оуэнсов: уберечь их от горя и сделать так, чтобы никто из них не испытал той же боли, что испытала она сама, и не сломал жизнь тем людям, которых они могли бы любить. Проклятие очень простое: *Всякий мужчина, который влюбится в женщину рода Оуэнсов, встретит свою гибель.*

Прочитав эти строки, Френни побледнела.

Без тебя все не так, написал ей Хейлин в одном из писем.

Потом, словно испугавшись, что он перешел все границы, Хейл зачеркнул «все не так» и написал «скучно». Но Френни сумела прочесть слова под пятном черных чернил и узнала правду. Без него тоже все было не так.

Не спрашивай, что это за чары и как они были исполнены. Меня предали и оттолкнули. Я не желаю такой судьбы никому из родных.

– Тебе не кажется, что я на нее похожа? – однажды спросила Джет, когда встретила Френни на лестничной площадке, где та сидела на диванчике под окном и изучала портрет Марии. Для одного из снадобий, упоминавшихся в дневнике, надо взять сердце голубя, причем вырвать его, пока птица еще жива. Другое снадобье настаивалось на волосах и обрезках ногтей неверного мужа, сожженных вместе с кедровой щепой и шалфеем.

– Не надо быть на нее похожей, – ответила Френни. – Она была очень несчастной. Поверь мне, ей жилось нелегко. Ее обвинили в колдовстве.

Джет села рядом с сестрой.

– Наверное, меня тоже обвинили бы в колдовстве, если бы я жила в те времена. Я умею читать мысли.

– Нет, не умеешь, – быстро проговорила Френни, но, взглянув на сестру, добавила: – Или умеешь?

– Я совсем этого не хочу, – сказала Джет. – Все происходит само собой.

– Ладно. О чем я сейчас думаю?

– Френни, – укоризненно проговорила Джет, – мысли – это очень личное. Я стараюсь не слушать чужие мысли.

– Нет, правда. Скажи мне. О чем я сейчас думаю?

Джет помедлила. Она поджала губы, собрала рукой свои длинные черные волосы и перекинула их через плечо. Здесь, в Массачусетсе, она с каждым днем становилась все краше и краше.

– Ты думаешь, что мы не такие, как все остальные люди.

– Ну, об этом я думаю постоянно, – рассмеялась Френни, испытывая облегчение от того, что сестра не прочла *другие* ее мысли. – Ничего нового ты мне не сказала.

Позже, когда Джет вышла в сад, она встала под кустом сирени с его темными листьями в форме сердечек. Вокруг пахло мятой и сожалением о несбывшемся.

Я хочу, чтобы мы были такими, как все.

Вот о чем думала Френни.

Я хочу, чтобы нам можно было любить.

Однажды утром сестры проснулись и обнаружили у себя в комнате еще одну девочку. Эйприл Оуэнс, их двоюродная сестра, приехала погостить к тете. Эйприл выросла в изысканном мире бостонского Бикон-Хилла. Платиновая блондинка с косами до пояса и бледно-серыми, почти прозрачными глазами, она была словно девушка со старинной картины, но с более чем современными манерами. Во-первых, она привезла с собой пачку сигарет и серебряную зажигалку. Во-вторых, она подводила глаза черным. Она была резкой, язвительной, неукротимой и не признавала ничьего мнения, кроме своего собственного. И что самое странное: у нее был питомец – хорек на шлейке и поводке. Такого сестры еще не видели, и Эйприл сразу же показалась им интереснее всех остальных знакомых девчонок.

– Вы что, языки проглотили? – спросила она у сестер, молча таращившихся на нее.

– Не проглотили, – ответила Френни, выходя из задумчивости.

– Ну, хорошо, – примирительно проговорила Эйприл. – А то я уже начала беспокоиться.

Эйприл приезжала сюда прошлым летом, когда ей исполнилось семнадцать, а этим летом сбежала из Бикон-Хилла и вернулась в единственное место на свете, где ее принимали такой, как есть. Ее приезд стал сюрпризом для всех – сюрпризом, с точки зрения Френни, совершенно ненужным. Кузина Эйприл оделась так, словно готовилась ехать в Париж или Лондон, а не в крошечный городок в Новой Англии. Короткая черная юбка, полупрозрачная блузка, белые кожаные сапожки. На губах – перламутровая розовая помада. Густая длинная челка падает на глаза. Эйприл начала разбирать чемодан: шикарные наряды, косметика, несколько разноцветных свечей, изрядно зачитанный экземпляр «Любовника леди Чаттерлей», книги, долгое время бывшей под запретом и только недавно изданной в Америке.

– Дашь почитать? – попросила Джет, увидев скандальный роман, о котором все говорили.

Эйприл с улыбкой вручила ей книжку:

– Только смотри, чтобы оно тебя не испортило.

Френни с Джет уже поняли, что кузина Эйприл явно была искушеннее их самих. Своенравная белокурая бестия, она делала все, что хотела, не желая стеснять себя рамками морали приличного общества Бикон-Хилла. У нее на запястье красовалась татуировка –

синяя звезда, – из-за которой ее наказали и несколько месяцев не выпускали из дома без сопровождения. Еще одна татуировка была на бедре – об этой второй ее вечно сердитые, придирчивые родители даже не знали. С самого раннего детства за Эйприл присматривали то няни, то гувернантки, то многострадальная домработница по имени Мэри, поседевшая от выкрутасов своей подопечной, ибо даже под строгим присмотром Эйприл умудрялась стоять на ушах. Согласно теории доктора Берка-Оуэнса, это было врожденное свойство личности, которое не переломишь никаким воспитанием. Как бурный поток, сметающий все преграды на своем пути.

Эйприл сменила несколько частных школ, и отовсюду ее исключали. Прирожденная бунтарка, она не признавала никаких правил и авторитетов. Она сказала двоюродным сестрам, что умеет включать и выключать свет силой мысли и знает проклятия на четырех языках. Она путешествовала по Европе и Южной Америке и многому научилась у тамошних мудрых людей, о чем, конечно, не знают ее родители, иначе их точно хватил бы удар. Похоже, она не боялась возможных последствий, или, может быть, все объяснялось проще: тетя Изабель открыла ей будущее, и Эйприл знала, что от судьбы все равно не уйдешь. Она влюбится только раз в жизни – и не в того человека, – но она не променяла бы это ни на что на свете.

– Надеюсь, вы весело проводите время, – сказала она сестрам. – Изабель все равно, чем мы тут занимаемся. У каждого человека есть священное право на удовольствие, и лучше воспользоваться им сейчас, пока есть возможность. Потому что, вполне вероятно, нас всех ждет печальный конец.

Френни бесило, что Эйприл такая всезнайка.

– Говори за себя, – хмуро пробормотала она.

– Мы замечательно проводим время, – вставила Джет, пытаясь сменить тему. – Почти каждый день плаваем в озере.

Эйприл закатила глаза:

– Они плавают в озере! Никаких чар и проклятий? Вы хоть раз *заглянули* в теплицу? – Сестры лишь молча смотрели на нее, и она разозлилась уже всерьез. – Как все запущено. Вы только зря тратите время. Изабель может столькому вас научить, а вы упускаете *такой* шанс. Как неразумные дети.

– Мы не дети. – Френни выпрямилась в полный рост. Лампа на тумбочке у ее кровати задрезжала и сдвинулась к самому краю. С ее ростом в шесть футов, с огненно-рыжими волосами, закудрявившимися от ярости, она казалась настолько внушительной, что даже Эйприл пошла на попятный.

– Без обид, – примирительно проговорила она. – Просто я говорю все как есть.

Она зажгла ароматную шалфейную свечу и принялась перекладывать свои вещи на кресло: чулки, бюстгалтеры и купленную в Лондоне одежду из молодежной коллекции Мэри Куант. Джет взяла одну блузку, очень красивую, и стала рассматривать ее так, словно это было сокровище.

– Вы же знаете о проклятии рода Оуэнсов? – спросила Эйприл, усевшись на кровать. Хорек забрался к ней на колени и тут же уснул.

– Проклятие? Звучит угрожающе, – встревожилась Джет.

– Джет, не надо верить всему, что она говорит, – предостерегла ее Френни. Она не рассказывала Джет о дневнике Марии, чтобы не огорчать свою чувствительную сестру.

– Наверняка знаете, – продолжала Эйприл. – Нам нужно поостеречься, чтобы не сломать жизнь ни себе, ни кому-то другому. Причем *другому* будет гораздо хуже. Так было всегда, поэтому мой вам совет: не влюбляйтесь. Не надо.

Она гладила спящего хорька, которого называла своим *фамильяром*^[2], подразумевая, что он больше друг, чем питомец. Такое бывает, когда два существа разных видов притягиваются друг к другу и между ними возникает такая близость, что они могут читать мысли друг друга.

– Он знает, о чем вы думаете, – сказала она.

– Это вряд ли, – ответила Френни. – Не существует научного доказательства, что такое возможно.

– Он только что мне сообщил, что ты притворяешься бесчувственной и холодной, но ты гораздо сердечнее, чем хочешь казаться. И я с ним согласна.

– Вы оба не правы. – Френни сердито поджала губы, хотя ее не покидало тревожное ощущение, что она так или иначе выдала себя представителю семейства куньих.

– Как бы там ни было, мои родители хотят убить Генри, – буднично проговорила Эйприл. Хорек был на удивление смирным, с яркими, немигающими глазами, напоминающими глаза хозяйки. – Они говорят, что у нас нездоровые отношения. Если они это сделают, я никогда их не прощу. И буду мстить как смогу. Мне кажется, вы поступите так же, когда будет нужно. Наши родители только и думают, как бы им посадить нас под замок на всю жизнь. Они всегда против нас, не забывайте об этом. И никому не доверяйте.

– Вообще никому? – сникла Джет.

Эйприл смотрела на своих наивных кузин и качала головой. Они совершенно ничего не знают!

– Многие люди желают нам зла. И особенно в этом городе. Так повелось еще с семнадцатого века. – Эйприл прилегла на кровать, вытянув ноги. – Мне надо спать на кровати. Больная спина. Травма в балетной школе. Вы сами решите, кто из вас будет спать на полу, – распорядилась она по праву человека, гостившего здесь прошлым летом. – И мне нужно больше подушек.

Сестры быстро переглянулись. Если не дать отпор сразу, эта Эйприл так и будет ими помыкать. Они извинились и пошли напрямик к тете Изабель. У них есть предложение. Может быть, Эйприл будет удобнее расположиться внизу, в гостевой комнате? Там гораздо просторнее, объяснили они, к тому же Эйприл их предупредила, что она жутко храпит, так что ей лучше спать в отдельной комнате, а не с ними на чердаке. И еще у них, кажется, аллергия на хорька.

Когда они сообщили Эйприл, что у нее будет отдельная комната, той хватило выдержки сказать им спасибо.

– Реверсивная психология, – усмехнулась она. – Я как раз и хотела отдельную комнату. Больше личного пространства.

Френни прищурилась.

– На нас не действует реверсивная психология. Мы знаем, что это такое. Наш папа – психиатр.

– Сколько я повидала психологов и психиатров, вам в жизни столько не встретить, – сообщила им Эйприл. – Говоришь им, что мучаешься бессонницей или что мама с папой тебя не понимают, и они тебе выпишут любые пилюльки, какие захочешь.

Винсент услышал голоса и поднялся на чердак.

– Так-так, – сказала Эйприл, когда он встал в дверях. – Кто это у нас такой красавчик.

Это был не вопрос, и ответа никто не ждал. Винсент пожал плечами, но не стал возражать.

– Мужчина из рода Оуэнсов наделен силой большей, чем сила седьмого сына седьмого сына. Наверняка ты колдун.

– Э... спасибо, – сказал Винсент, польщенный ее вниманием.

– Да какой он мужчина? – фыркнула Френни. – Ему только четырнадцать. И если он изучает магию по книжке, это еще не значит, что он колдун.

Эйприл задумчиво посмотрела на Френни. Возможно, она встретила свою ровню, хотя, наверное, нет. Несмотря на суровую внешность, Френни была на удивление наивной.

Джет и Винсент все-таки не устояли перед ярким, дерзким обаянием своей старшей кузины и жадно слушали ее наставления. Она рассказала, как незаметно ускользнуть из дома – вылезти в окно и спуститься по водосточной трубе, – и предупредила, что в ящиках комодов и под кроватями прячутся мыши.

– И аккуратнее с пчелиным ульем, – сказала она. – У них такой сладкий мед, что стоит только его отведать, сразу захочется заняться сексом.

Джет с Френни смущенно переглянулись, а Винсент ухмыльнулся и спросил:

– Откуда ты знаешь?

Эйприл одарила его усталым, пресыщенным взглядом.

– Я пробовала, – сказала она.

– Секс или мед? – поддразнил ее Винсент.

– А ты как думаешь? – Эйприл смотрела на него так пристально, что он смутился и пожал плечами. Этот раунд остался за ней. – Вы же должны понимать, что мы не такие, как все обычные люди. – Ответом было глухое молчание, и Эйприл поняла, что смогла захватить их внимание. – Слушайте, вы такие наивные, это что-то. Откуда, вы думаете, у вас эти способности? Мы потомственные волшебники. Магия у нас в крови. Это значит, что мы ничего не решаем. Она просто есть. Генетический фактор. Как голубые глаза или рыжие волосы. Этим и определяется, *кто* вы такие.

– Не надо мне говорить, кто я, – разозлилась Френни.

– Можете спорить сколько угодно, – сказал Винсент. – Мне все равно, откуда взялась эта магия. Главное, что она во мне есть. Пока вы выясняете, что и как, я буду жить своей жизнью, а колдун, не колдун, это дело десятое.

Он спустился по узенькой лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Вышел из дома через заднюю дверь, захлопнув ее за собой. Им было слышно, как его ботинки стучат по ступенькам крыльца. Встав у окна, девушки наблюдали, как Винсент шагает по улице Магнолий.

– Пошел искать неприятности на свою голову, – весело проговорила Эйприл.

– Откуда ты знаешь? – спросила Джет.

Эйприл усмехнулась, и в этой усмешке их семейное сходство проявилось особенно сильно.

– Мне с ним по пути.

Пока Эйприл гостила у тети, они с Винсентом были практически неразлучны. Каждый день, прямо с утра, они уходили куда-то вдвоем. Говорили, что на пробежку, и клялись, что когда-нибудь это станет ужасно модным. Но они уходили из дома в обычной одежде – оба во всем черном – и возвращались, даже не запыхавшись. У них были какие-то свои тайны, что обижало Френни и Джет. Френни ревновала брата к кухне – тот проводил с ней все время, совершенно забросив родных сестер, – а Джет хотелось подружиться с Эйприл. Хотя бы лишь для того, чтобы иногда брать поносить ее потрясающие наряды.

Как бы там ни было, Эйприл с Винсентом каждый день исчезали до вечера – явно в поисках неприятностей, которые когда-нибудь да найдутся. В конце концов Френни их выследила в библиотеке, в отделе редких изданий и рукописей, где они сидели, с головой погруженные в «Мага». Они забавлялись, заставляя дрожать подвески на хрустальных люстрах, так что испуганные библиотекари бросились звонить в мэрию, чтобы выяснить, не случилось ли землетрясение. Эйприл с Винсентом так увлеклись, что заметили Френни, только когда она села за стол прямо напротив них. Они оторвались от книги, пойманные с поличным. Хорошо, что они заранее наложили на Френни заклятие отвода глаз, чтобы она не узнала, что они замышляют.

– Прекрасно, – сердито проговорила Френни. У нее все плыло перед глазами, Винсент и Эйприл, сидящие перед ней, как будто

подернулись зыбкой дымкой. – Практикуемся в черной магии в общественном месте. Местные нас за это полубоят еще сильнее.

– Да шли бы они в жопу, – отозвалась Эйприл. – Ты знала, что раньше на этом месте была городская тюрьма? Марию Оуэнс держали здесь в цепях. Это место пропитано силой.

– Это библиотека. Я бы в вас не заподозрила книжных червей.

– Я не червь, – сказал Винсент.

– Я просто не верю своим глазам, – продолжала Френни. – Вы проводите время в библиотеке!

– И еще курим травку у озера, – весело призналась Эйприл.

– У *нашего* озера? – Френни потрясенно уставилась на Винсента. Вот теперь ей стало по-настоящему обидно.

– Вообще-то мы им не владеем. Эйприл тоже имеет право туда ходить. – Винсент был беспечен и дерзок еще больше обычного. – И мы там бываем нечасто.

– Так что вы затеяли? – спросила Френни у брата.

– Что можно затеять в библиотеке?

Когда Винсент ей улыбнулся, Френни почти простила его за то, что он секретничает с Эйприл. Но не совсем.

– Все что угодно, если ты с ней. – Френни кивком указала на Эйприл. – Только не забывай, что она нарцисс. – Она узнала это слово от папы, который так называл пациентов, всегда думавших лишь о себе и никогда – о других. – Ты еще пожалеешь, что с ней связался, – сказала она брату.

– Не пожалеет, – отозвалась Эйприл. – И ты не первая, кто ставит мне этот диагноз. Ты меня разочаровываешь, Френни. Мне казалось, ты оригинальнее. Если ты тут проводишь такое глубокое исследование, ты, наверное, уже что-то выяснила насчет тайны?

– Какой тайны? – спросила Френни.

– Если бы я знала, то это была бы уже не тайна, – самодовольно заметила Эйприл. – Я однажды подслушала, как шептались родители. Видимо, это что-то ужасное и внезапное. Оно по нам вдарит, когда мы меньше всего этого ожидаем. Что-то связанное с проклятием. Какое-то темное прошлое, которое все стремятся забыть. Так что, похоже, ты знаешь меньше, чем думаешь.

После этого Френни вообще перестала замечать Эйприл. Но Джет по-прежнему восхищалась кухней. Ей нравилось примерять мини-юбки Эйприл, ее обтягивающие джинсы и кружевные платья. В этих нарядах она не узнавала себя. Она видела в зеркале кого-то другого, и ей это нравилось.

Как-то ночью, во время грозы, Джет выглянула в окно и увидела Эйприл с Винсентом в саду. Они играли в покер на раздевание, со смехом сбрасывая с себя одежду и обувь. Их не остановил даже дождь. Эйприл явно была не из тех типажей, которые нравились Винсенту, и все-таки они стали неразлейвода. Эти двое знали, как весело провести время. Видимо, это было врожденное умение, которое напрочь отсутствовало у Джет с Френни.

В одно жаркое, душное утро, когда Винсент еще спал, а Френни умчалась в библиотеку, Эйприл поднялась на чердак. Джет валялась в кровати и читала сборник стихов Эмили Дикинсон, который нашла в книжном шкафу в гостиной.

Эйприл отобрала у нее книгу.

– Пойдем погуляем. – Видя, как Джет нерешительно мнетя, Эйприл скорчила рожу. – Нельзя всю жизнь только читать и выпалывать сорняки. Попробуй хоть раз сделать то, чего тебе по-настоящему хочется. Вот увидишь, тебе понравится.

Если это было предложением дружбы, разве могла Джет его не принять? Они пошли на озеро Лич-Лейк, прихватив с собой пиво, купленное в магазинчике на углу с помощью поддельного удостоверения личности, добытого Эйприл на Гарвард-сквер за двадцать долларов и обещание поцелуя, который так и не состоялся.

Когда они пришли к озеру, Джет разделась, спрятавшись за кустом. У нее под платьем был черный купальник, но она все равно стеснялась. Эйприл решила обойтись вообще без купальника. Она быстро разделась догола, побросав одежду на траву. Обнаженная, она была даже красивее, чем в одежде: бледное, почти неземное создание – и совершенно бесстрашное. Эйприл забралась на самую верхушку скалы и нырнула без малейших сомнений. Как и все Оуэнсы, она не ушла глубоко под воду. Ее тут же вытолкнуло на поверхность. Она вскинула руку, потрясла кулаком и выкрикнула, обращаясь к невидимому врагу:

– Только попробуй меня утопить! – Она обернулась к Джет, потрясенно застывшей на берегу. – Ой, да ладно тебе. Что ты как маленькая!

Потом, когда они сохли на солнышке, Эйприл расплела косы, и ее белые волосы рассыпались по спине снежным каскадом. У нее на щеке темнело пятно грязи, а сама она была непривычно задумчивой, даже растерянной.

– Я могу видеть будущее, и мне казалось, что так я узнаю свой путь, но я все время иду не туда и совершаю ошибки.

– Все совершают ошибки, – сказала Джет. – Такова человеческая природа.

Эйприл прищурилась.

– Мы не совсем люди. Как же ты не понимаешь?

– Мы вполне люди.

– У тебя должен быть особый дар.

– Я могу читать мысли, – призналась Джет. Если не считать Френни, Эйприл была первой, кому Джет об этом сказала. Она ужасно стеснялась своих необычных способностей и старалась их не проявлять, потому что иначе ей пришлось бы признать, что эти кошмарные девчонки из школы Старлинга были правы, когда говорили, что она *ненормальная*.

– Правда? – с искренним интересом спросила Эйприл. Возможно, Джет не такая уж серая мышка, какой представляется.

– Я *не хочу* знать, о чем думают люди. Мне кажется, это неправильно и некрасиво – проникать в чьи-то чужие мысли. Но все получается само собой, я не могу их не слышать, если человек не поставит защиту. Что-то вроде силового барьера в сознании. У Френни хорошо получается закрываться. Она выключает эмоции и отгораживается от всех. Никого не впускает. Наверное, в этом и состоит ее сила.

– Давай попробуем прямо сейчас, – оживилась Эйприл. – Я не буду ставить защиту. О чем я думаю?

Джет знала, что это опасные игры. Она сидела, не поднимая глаз.

– Ты хочешь остаться здесь навсегда, – тихо проговорила она.

– Это понятно и без чтения мыслей. Скажи что-то такое, чего больше никто не знает. Покажи мне свой талант.

Когда они взялись за руки и посмотрели друг другу в глаза, весь остальной мир отодвинулся прочь. Остались только они вдвоем. Им было слышно, как в высокой траве жужжат пчелы, как над озером проносятся птицы, а потом все звуки исчезли. Мир погрузился в тишину. Эйприл открылась навстречу Джет, и та испуганно ахнула, пораженная сокровенными мыслями своей кузины. Она уже знала, что люди – удивительные существа, полные сюрпризов. Но она никогда бы не догадалась, что проблема в Винсенте.

Джет решила, что лучше не говорить слишком много. При всей дерзости и бравате Эйприл была одинокой и очень ранимой. Джет вдруг поняла, что, когда Эйприл уедет, она будет по ней скучать. Чтобы избежать неловкости, она заговорила о самом простом:

– Ты хочешь поехать с нами в Нью-Йорк. Ты спросила Винсента, но он сказал, что это невозможно.

Глаза Эйприл заблестели от слез.

– Ты знаешь. Я вижу, ты знаешь.

– Мне бы очень хотелось тебе помочь. – Джет еще никогда не хотела избавиться от своего дара так сильно, как в эти минуты.

Эйприл пожалала плечами.

– Все равно ничего не получится. Родители меня не отпустят. Они хотят, чтобы я была такой же, как все. Мама всегда говорит, что я не стараюсь вписаться в приличное общество, потому и не вписываюсь. Она не верит, но я пыталась. Пыталась быть такой же, как все. Но ничего у меня не вышло. – Эйприл не на шутку разволновалась, на ее обычно бледном лице проступили красные пятна. – Трудно жить в одном доме с родителями, которые не одобряют каждый твой шаг.

– Ты обязательно от них сбежишь, – уверила ее Джет. – Но не прямо сейчас.

– Мне суждено потерять всех, кого я люблю, – сказала Эйприл. – Я уже знаю.

– Конечно, все так и будет, – отозвалась Джет спокойно и взвешенно. – Это и значит жить.

Следующим утром к дому подъехал длинный черный автомобиль. Родители Эйприл наняли шофера, чтобы он забрал их дочь домой. Клаксон просигналил несколько раз, пока недовольная Изабель не вышла утихомирить шофера, и тот, разумеется, затих сразу, как только

ее увидел. Эйприл могла бы существенно затруднить свой отъезд; могла бы спрятаться в подвале или убежать в лес, где ее проискали бы до ночи. Но от судьбы не уйдешь. Ни сейчас, ни потом.

– Ну, вот и все. Я возвращаюсь в Бостон, где мне снова придется выслушивать нескончаемые обвинения в моей полной несостоятельности. – Подхватив Генри на руки, она пошла собирать чемодан. В коридоре они столкнулись с Френни. Хорек печально притих, словно тоже предвидел свою судьбу. – Я не прощаюсь, – сказала Эйприл Френни. – Мы еще встретимся. Мы теперь связаны навсегда. Ты сама знаешь, да?

У Френни было предчувствие, что Эйприл права, но она все равно возразила:

– Не думаю. Мы живем в разных мирах.

– На самом деле не в разных, Френни.

Может быть, потому, что Френни ни разу не видела Эйприл такой грустной, она вызвалась помочь ей донести чемодан до машины.

– Когда мы увидимся в следующий раз, все будет иначе, – задумчиво проговорила Эйприл.

– Так всегда и бывает. – Френни произнесла это жестче, чем собиралась.

– Как я понимаю, твой брат не придет попрощаться, – сказала Эйприл.

– Винсент делает что ему вздумается, – отозвалась Френни. – Это известно каждому, кто его по-настоящему знает.

Когда Джет пришла попрощаться, они с Эйприл встали у окна с зеленым стеклом. Из окна было видно, как Винсент дремлет в саду в гамаке. Когда снова раздался сигнал клаксона, Винсент открыл глаза, глянул на лимузин безо всякого интереса и снова заснул.

Эйприл отвернулась от окна.

– Сделанного не воротишь.

Джет обняла Эйприл, потому что прочла ее мысли. *Он даже не пришел попрощаться.* Разумеется, Эйприл была не первой, кому Винсент вскружил голову, и уж точно не первой, кого он ранил своим равнодушием. Сначала она была новой, волнующей, дерзкой и поэтому привлекательной. Но блеск новизны меркнет со временем. Теперь это просто еще одна девушка, которую очень легко обидеть.

– Удачи тебе, – сказала Джет.

– Спасибо. – Глаза Эйприл наполнились слезами. Джет давно поняла, что далеко не все люди такие, какими хотят показаться, в том числе и их неукротимая кузина. – И тебе тоже удачи.

Френни с Джет вышли в сад с утра пораньше, пока не грянула жара. Они надели толстые рукавицы, приготовившись собирать дикорастущие ядовитые растения: дурман, остролист, наперстянку, паслен, мандрагору, руту. Пока сестры трудились, Винсент лежал в гамаке, наигрывая на гитаре. Он сочинил песню, посвященную Эйприл. Она называлась «Девушка из Бостона», и в ней говорилось о молодой женщине, готовой на все, чтобы отстоять свою свободу. В конце она тонет в озере Лич-Лейк, погружаясь в зеленую толщу воды.

– А нельзя было сделать другую концовку? – спросила у брата Джет. – Чтобы любовь побеждала все?

– Мне кажется, это самая лучшая концовка, – заметила Френни. – Она должна получить по заслугам.

– Каждая песня такая, какая есть, – пожал плечами Винсент. – Эта – трагическая.

Несмотря на предостережения матерей, многие городские девчонки ходили на улицу Магнолий, чтобы хоть издали посмотреть на пригожего юного незнакомца с длинными черными волосами, который играл на гитаре и пел выразительным, проникновенным голосом о девушке из Бостона. Винсент иногда махал им рукой, и они глупо хихикали. Они аплодировали и визжали, словно он был рок-звездой.

– Им что, больше нечего делать? – пробормотал Винсент.

– Ты знаешь, что это за городок, – отозвалась Френни. – Разумеется, нечего.

Винсент уже стал тяготиться своим разнузданным обаянием. Местные старшеклассницы буквально ходили кругами вокруг дома Изабель. В итоге он сдался и уступил их домогательствам. Он перепробовал всех девчонок, одну за другой, но никто из них не возбудил в нем интереса. В конце концов он просто взвыл от их непроходимой тупости. Все они были какие-то глупые и очень скучные. Когда доходило до дела, он не чувствовал к ним вообще ничего; даже не помнил их лиц и имен.

Но однажды его соблазнила взрослая женщина, опытная и искушенная в таких делах – соседка, которая пришла к Изабель купить

черное мыло. То самое мыло, каким ежедневно пользовалась их мама. Увидев в кухне Винсента, миссис Раствлер тут же к нему воспылала. Юный красавчик, высокий и черноволосый, вмиг пленил ее сердце. Когда Изабель вышла из кухни, чтобы принести мыло, миссис Раствлер без стеснения подошла к Винсенту и прошептала ему на ухо, что с нею он воплотит в жизнь все свои самые смелые мечтания. Она запустила руку ему в штаны, чтобы его возбудить. Никто не назвал бы ее обольстительной, но Винсенту нравилось нарушать правила. Кто он такой, чтобы отказать ей в возможности его совратить? Она сказала, что это просто ни к чему не обязывающая интрижка; просто маленькое развлечение. В конце концов, у нее есть сын его возраста, который сейчас отдыхал в летнем лагере.

По ночам Винсент лазил к соседке через окно. За это лето он узнал о сексе гораздо больше, чем многие парни узнают за всю жизнь, поскольку миссис Раствлер была ненасытной и весьма изобретательной. Винсент терпел ее лишь потому, что, когда он закрывал глаза, она могла быть кем угодно, и иной раз его поражали собственные фантазии. Он рассматривал свои эскапады исключительно как просвещение и обучение, и ничего больше.

Когда муж миссис Раствлер уехал в командировку, она уговорила Винсента остаться на ночь, и вот тогда все зашло слишком далеко. Она вдруг заговорила о любви. При одной только мысли об этом Винсент обмирал от страха. Миссис Раствлер уже под сорок. Она ровесница его мамы. Винсент разглядел, какая она старая, когда, оставшись с ней до утра, увидел ее в ярком солнечном свете. Это был шок. Винсент увидел помятую тусклую тетку с обвисшей грудью и крючковатым носом. У нее на подбородке было несколько темных волосков, которых он раньше не замечал. Она напоминала большую усталую крольчиху.

Винсент мгновенно пришел в себя. *Такого* он не хотел. Даже не удосужившись одеться, он в панике выбрался через окно, пока миссис Раствлер покойно спала, тихонько похрапывая. Сгорая от стыда, прижимая к груди одежду, Винсент примчался домой. И к своему вящему ужасу, столкнулся на крыльце с тетей Изабель. Голый, униженный, он был благодарен плющу, создавшему на веранде густую тень, где можно было хоть отчасти укрыться от свирепого тетиного взгляда.

– Все оказалось не так, как ты думал? – понимающе спросила она.

Хотя тетя Изабель сохраняла невозмутимый вид, Винсент видел, что его похождения ее забавляют. Она повернулась к нему спиной, пока он одевался, а потом отвела его в теплицу, где стояли горшки с розмарином и рокамболом. В углу росли лимонно-пахучий тимьян, лимонная мелисса и лимонная вербена. Винсент уже не раз проникал в теплицу. Они с Эйприл частенько здесь прятались и курили марихуану.

В теплице были собраны самые разные растения, нуждавшиеся в специальном уходе, включая ночецветные: цереус, жасмин, наперстянка, каланхоэ, бругмансия и окопник. Откуда-то из-под зеленых зарослей на одной из полок Изабель достала тяжелую черную книгу, которую Винсент раньше не видел.

Изабель открыла книгу.

– Легко приманить к себе любовь, – сказала она, – гораздо труднее от нее отвязаться. Если можно назвать любовью то, что сейчас произошло.

– Я бы не назвал, – признался Винсент.

– Тут я с тобой соглашусь. – Изабель принялась листать книгу. – Существуют особые правила. Первое, самое главное: не навреди. Об этом следует помнить всегда.

– Я постараюсь, – сказал Винсент.

– Надо не просто стараться, надо делать. – Изабель дошла до страницы с заголовком «Защита».

Черная ткань, красная нитка, палочка гвоздики, шип терновника.

Когда миссис Раствлер проснулась и обнаружила, что Винсента нет рядом, она бросилась следом за ним, позабыв о приличиях. Она была зачарована, как та медсестра в роддоме, которая попыталась его похитить, когда он был младенцем. Ее неодолимо тянуло к нему. Изабель с Винсентом было слышно, как миссис Раствлер беснуется на крыльце и стучит в дверь с такой силой, что эхо этого стука отдается по всему саду. Изабель что-то пробормотала себе под нос, и возбужденная соседка вмиг успокоилась и вернулась домой. Потом тетушка повернулась к Винсенту.

– Похоже, ты вызываешь зависимость, и тебе надо бы поскорее научиться, как справляться с этой проблемой. Как я понимаю, ты уже знаешь свою судьбу. Или боишься узнать?

– Я не боюсь, – храбро ответил Винсент, хотя на самом деле ему было страшно.

Изабель сняла черную ткань, закрывавшую предмет, что стоял рядом с мешками с землей и луковицами растений, которые надо высаживать осенью. Предмет оказался трехстворчатым зеркалом со стеклами, густо покрашенными черной краской. В тетинном доме не было зеркал, и, увидев свое отражение в черных панелях, Винсент понял почему. В их семье люди видели не только свое теперешнее отражение, но и отражения из грядущего. В то прохладное утро в тетинной теплице Винсент увидел в зеркале свое будущее. Там был крутой поворот судьбы, о чем он догадывался и раньше. Но разглядев все так ясно, Винсент сделался белым как мел.

Тетя Изабель предложила ему воды, но он покачал головой, продолжая смотреть в глубину черного зеркала, где клубились нечеткие образы: маленькая девочка на зеленой траве, человек на склоне холма, какой-то парк с каменными дорожками, который он не узнал. Но среди этих образов выделялся один: его сумрачный брат-близнец, сотканный из теней двойник, которого Винсент видел всю жизнь, когда смотрел на себя в зеркала или стекла витрин. Еще одно «я» внутри его «я», которого он так старательно избегал. Но теперь выбора не было – только смотреть. Глядя на себя в тетино зеркало, Винсент понял, кто он такой. Еще никогда в жизни он не чувствовал себя таким одиноким.

Изабель изготовила для него амулет. Она шила так быстро, что иголка буквально летала в пальцах. Винсенту надо было дожидаться ночи и при свете убывающей луны оставить амулет на крыльце дома миссис Растлер, потом начертить круг на земле и стоять в этом круге, пока он не поймет, что уже можно выйти.

– Как я узнаю, что уже можно? – спросил Винсент.

Изабель рассмеялась.

– Узнаешь.

Винсент поцеловал тетю и сказал ей спасибо.

Он весь день прятался в теплице и не отвечал сестрам, когда те его звали. Наконец время пришло. По дороге к дому соседки он понял, что магические приемы, которым он выучился самостоятельно, были детскими глупостями. Все дело в его крови. В той же самой крови, что текла в жилах Марии Оуэнс. Однажды по пути на озеро он сильно поранился о куст ежевики, и капельки его крови прожгли ткань на рубашке. Ему не надо учиться магии. Она у него в крови.

Он сделал все, что велела тетя Изабель. Оставил амулет в плетеном кресле на крыльце миссис Раствлер, встал в круг, начерченный на земле, и стоял, пока не почувствовал, что ее влечение к нему испарилось. Воздух вокруг него трещал электричеством, а потом вдруг успокоился. Застрекотали сверчки. Поднялся ветер, который уляжется только на следующий день. Миссис Раствлер у себя в спальне крепко заснула и не видела снов, а проснувшись наутро, не хотела уже ничего, кроме чашечки кофе и свежей булочки. Ее сын вернулся домой из летнего лагеря. Муж вернулся из очередной командировки.

Когда Винсент в следующий раз встретился с миссис Раствлер – дело было в тетиной кухне, соседка пришла за бутылочкой уксуса, сделанного по старинному рецепту Оуэнсов с использованием черной патоки и дождевой воды, – его пробрал озноб. Этот уксус хорошо помогает при импотенции, и миссис Раствлер явно брала его для супруга. Когда ее рассеянный взгляд скользнул по Винсенту, он понял, что она его не узнала. Все было так, как будто она его видела в первый раз. Как будто они никогда не встречались раньше и она не учила его многочисленным постельным премудростям.

Теперь все свое время Винсент посвящал тому, чтобы раскрыть в себе естественные способности. Гуляя с сестрами у пруда в парке, он решил проучить двух особенно злющих лебедей. Он смерлил их пристальным взглядом, пока они не поднялись над водой. Потом на секунду зависли в воздухе и грохнулись обратно в воду. На мгновение их оглушило, а затем они взмыли в воздух и полетели на дальнюю сторону пруда, кудахча, как курицы.

– Теперь будут знать, – сказал Винсент.

– Лебеди умеют летать, – возразила Френни. – Это не магия.

Но все-таки давешние утверждения Эйприл и нынешняя реакция лебедей заставили Френни задуматься. Она принялась методично исследовать способности сестры и брата.

Когда она затевала свои эксперименты, Винсент только качал головой.

– Это напрасная трата времени. В нас есть магия, Френни. Уже давно пора это признать.

И все-таки Френни хотелось более убедительных доказательств. Она сажала брата в гостиной, а сестру – на чердаке, так, чтобы они никак не могли общаться друг с другом, и выдавала им карточки со словами. И Винсент, и Джет всегда правильно называли, какие слова есть на карточках у другого. Никто не ошибся ни разу. То же самое было и с числами.

– Может быть, это не магия, а телепатия, – говорила Френни. – Мне нужны дополнительные подтверждения.

Винсент смеялся над ней.

– Френни, когда ты уже успокоишься?

Втайне Френни испытывала и свои собственные способности. Заинтересовавшись левитацией, она раскладывала на столе маленькие вещички, закрывала глаза и мысленно приказывала предметам сдвигаться. Ничего не добившись командами, она перешла на вежливые просьбы и уже очень скоро научилась одной силой мысли поднимать в воздух портновскую ленту. Она тренировалась ежедневно, но уже было ясно, что ей никогда не сравниться с Винсентом. Ему даже не приходилось стараться, у него все получалось само собой. Как только он заходил в комнату, книги сами падали с полок. Безо всяких усилий, словно птицы, взлетающие на ветки деревьев, шелестели страницы, книги обрушивались на пол. *У тебя сильный дар*, думала Френни, глядя на брата, развалившегося на диване в гостиной. Только теперь она поняла, как он похож на Марию Оуэнс. Возможно, его дар к волшебству столь же силен, если не больше.

Винсент рассмеялся, словно прочел ее мысли.

– Да, но, скорее всего, я растрачу его впустую, – сказал он. – И не обманывай себя, Френни. У тебя тоже есть дар.

Случилось так, что Френни проснулась однажды ночью, не понимая, что ее разбудило. Слово кто-то проник ей в душу и вытянул из мира снов в явь. Кажется, кто-то назвал ее по имени, но кто и как – непонятно. Лето было в самом разгаре, в жарком ночном воздухе перекликались цикады. Идеальная ночь, чтобы спать и видеть прекрасные сны, но Френни не могла не ответить на зов. Прямо так, в ночной рубашке, она спустилась вниз и вышла в сад через заднюю дверь, рядом с которой росли глицинии с такими искривленными

ветками, что соседские дети шептались, будто эти деревья сделаны из стариковских костей.

В саду было темно, Френни аккуратно продвигалась вперед, стараясь не угодить ногой в кроличью нору. Прищурившись, Френни заметила, что она не одна во дворе. Тетя Изабель готовила щелок из воды и древесной золы, что-то тихо бормоча себе под нос. Теперь, когда глаза Френни привыкли к темноте, она разглядела кучку сушеной лаванды, корзину со специями и ведро, в котором плескалась жидкая полночь, – на самом деле лакричное масло.

– Лучшее мыло получается в мартовское новолуние. Но раз уж ты здесь, сварим его сегодня. Мыло должен варить кто-то из членов семьи. Вот я тебя и позвала. Если бы ты не подходила для этого дела, ты бы меня не услышала и не проснулась. Но ты проснулась, стало быть, это твоя работа.

Зов Изабель прервал весьма любопытный сон, сившийся Френни. В том сне она сидела на скамейке в Центральном парке, и черная птица ела зерна с ее ладони. Это была ворона, и она сказала Френни, как ее зовут, но, проснувшись, она забыла. Она читала, что многие думали, будто Мария Оуэнс могла превращаться в ворону, чтобы колдовать. Этот вывод основывался на словах фермера, подстрелившего ворону на своем кукурузном поле. На следующий день Мария ходила с забинтованной рукой.

– Почему именно я? – Френни вышла из дома босиком, а земля была влажной. – Почему не Джет?

Изабель пристально на нее посмотрела. От этого взгляда Френни пробрал озноб. Это должна быть она, и только она.

Френни заметила книгу, которая обычно хранилась в теплице. Толстенный том напоминал черную жабу, кожаный переплет был на ощупь холодным, как лягушачья кожа. Внутри хранились записи, очень личные, тайные, местами слишком опасные, чтобы произносить их вслух. Если некому будет унаследовать книгу, когда умрет ее нынешняя владелица, книгу сожгут. Из уважения к усопшей и по давней традиции. Кто-то называет такие сборники Книгами Теней, кто-то – гримуарами. Как бы он ни назывался, это был бесценный магический текст, сам пронизанный магией. Сам процесс написания был магическим действием, в котором воображение меняло реальность и придавало форму колдовской силе. В этом смысле книга была

средоточием силы. Если ты прикоснешься к ней, не будучи ее полноправной владелицей, на руке может остаться ожог, который пройдет лишь через несколько месяцев; или же ты покроешься чесоточной сыпью, далеко не всегда поддающейся лечению.

Дневник, хранящийся в библиотеке, Мария вела в последний год жизни, но эта тайная книга заклятий была спрятана дома под половицами. В гримуаре содержались инструкции, как делаются обереги и как снимается порча. Там были записи, сделанные чернилами, специально изготовленными из лесного ореха или марены; были и записи собственной кровью. Там были списки лекарственных трав и полезных растений; снадобья для исцеления печалей и хворей, для облегчения сложных родов. Средства от ревности, головной боли и сыпи. Это было хранилище женского знания, тщательно собранного и переданного потомкам.

– Отсюда мы и берем рецепт нашего мыла. Пусть дневник последнего года Марии достался библиотеке, но главная книга всегда оставалась у нас. Возможно, это старейший в стране гримуар. Большинство сгорело, когда умирали владелицы. Так было нужно, чтобы книги не попали в дурные руки. Но наш гримуар всегда хранится в надежных руках. Мы за этим следим. Начиная с Марии он всегда переходил во владение самой сильной из нас. – Гримуар распирало от многочисленных вклеек и вкладок, и, когда Изабель передала его Френни, несколько листов упало на землю. – Когда придет время, ты будешь следующей.

Книга открылась в руках у Френни. На первой странице были записаны правила магии.

Делай что хочешь, но никому не вреди.

Все, что ты делаешь и отдаешь, вернется к тебе в трехкратном размере.

Влюбляйся, как только сможешь.

На последнем правиле Френни запнулась.

– Как же так? – спросила она. – Мы же прокляты.

– Все, что целое, можно сломать, – сказала ей Изабель. – Все, что сломано, можно исправить. В этом смысл Абракадабры. *Что мною сказано, будет сотворено.*

– То есть проклятие можно преодолеть? – На миг в сердце Френни всколыхнулась радостная надежда.

– За сотни лет это не удавалось еще никому, но это не значит, что это невозможно.

– Ясно, – тут же погрустнела Френни. Счет явно был не в их пользу.

Они вместе подняли тяжелый старинный котел и повесили его на металлический столб над костром. Зола поднялась в воздух пламенной взвесью. Они добавили в котел розы, срезанные в саду, лаванду, выросшую у калитки, травы, которые приносят удачу и защищают от хворей. Из костра сыпались искры, меняя цвет с желтого на кроваво-красный. Мыловарение оказалось нелегкой работой, и вскоре Френни вся взмокла. Пот заливал ей глаза, а кожа покрылась налетом соли. Это было похоже на серьезный научный эксперимент: все компоненты следовало тщательно отмерять и добавлять в смесь постепенно, чтобы они не сгорели. Френни с Изабель по очереди перемешивали бурлящее варево – тут приходилось прилагать немалые усилия, – а когда мыло сварилось, его разлили по деревянным формам и оставили остывать. Внутри каждого застывающего бруска искрилась эссенция роз, добавленных в смесь. Потом Френни с тетей принялись заворачивать каждый брусок в хрустящий целлофан. За работой Изабель казалась моложе, как будто сбросила разом все годы и снова сделалась почти такой же, какой была до того, как поселилась на улице Магнолий. Френни так покраснелась после трудов у костра, что сонные пчелы слетались к ней, перепутав с цветком. Она отмахивалась от них, не боясь, что они могут ужалить.

Когда они все закончили, небо уже наливалось светом. Френни было так жарко, что она сбросила ночную рубашку и осталась в одном белье. Но она бы не отказалась поработать еще, потому что это был приятный труд. Френни упала в траву и лежала, глядя на небо. На легкие бледные облака. Тетя Изабель вручила ей термос с розмариновым лимонадом, и Френни чуть ли не залпом выпила все до капли.

– Было здорово, – сказала она.

Изабель явно было приятно это услышать. Она подняла гримуар, чтобы спрятать до следующего раза.

– Для нас – да. Но большинство посчитало бы это тяжелой работой.

Френни поджала губы. Она всегда была человеком практичным – и такой и осталась.

– Но ведь их не бывает, я знаю... Тех, кем ты нас называешь. Это все сказки. Порождения беспочвенных человеческих страхов.

– Я тоже так думала, когда только-только сюда приехала. – Изабель присела на старый садовый стул.

– Разве ты не жила здесь всю жизнь? – Френни искренне удивилась, узнав, что у тети была история, предшествовавшая улице Магнолий.

– Ты думала, у меня не было другой жизни? Думала, я родилась прямо здесь в грядках капусты, причем сразу старухой? Давным-давно я была молодой и красивой. Теперь уже трудно поверить. Все пролетело в мгновение ока. Я жила в Бостоне, под замком, почти как Эйприл. И не знала, кто я, пока не приехала сюда в гости к тетям и они не открыли мне правила.

У Френни горели щеки.

– А если я не хочу быть тем, кто я есть?

– Тогда тебя ждет несчастливая жизнь.

– Ты приняла свою судьбу? – спросила Френни.

В серых глазах Изабель мелькнуло сожаление. Френни подумала, что у тети действительно было *прошлое*.

– Не совсем. Но я научилась получать от нее удовольствие.

В тот день Джет совершила большую ошибку, когда решила зайти в аптеку. Или, возможно, когда она села за стойку и заказала себе кока-колу с ванильным мороженым. Может быть, все бы еще обошлось, но Джет вступила в беседу с двумя симпатичными братьями, сраженными ее красотой, и катастрофа уже не могла не случиться. Братья в жизни не видели такой красивой девчонки. Как замороженные, они проводили ее до дома на улице Магнолий, к которому, как им было известно, лучше не приближаться. Френни лежала на траве в саду, ела малину, читала одну из тетиних книг о выращивании ядовитых растений и вдруг услышала голоса за забором. Кошки грелись на солнышке, но сразу же спрятались в тень, как только к калитке приблизились чужие.

Джет ворвалась в сад, как вихрь, и помахала сестре. Мальчики нерешительно остановились у калитки. Семнадцатилетние близнецы, блондин и брюнет, оба дерзкие и бесстрашные, они все-таки побоялись зайти. Увидев незнакомцев, Френни побледнела как полотно; веснушки у нее на лице сделались ярче и стали похожи на брызги крови.

Джет указала на двух парней, замерших у калитки, и весело проговорила:

– Их предупреждали, что сюда заходить опасно.

– *Конечно*, опасно, – сказала Френни сестре. – *О чем ты думала?*

Близнец-блондин по имени Джек все же набрался смелости и проломился сквозь густые кусты малины, коловшие пальцы любому, кто пытался сорвать их ягоды. Влюбленные братья наперебой умоляли Джет и Френни встретиться с ними сегодня ночью, и, честно сказать, девушкам это польстило. Джет принялась уговаривать Френни:

– Почему нам нельзя хоть немного повеселиться? Эйприл бы точно пошла.

– Эйприл! – воскликнула Френни. – Вот кто умеет найти приключения на свою голову.

– Но в чем-то она права, – сказала Джет.

Сразу после полуночи они выбрались на крышу из чердачного окна и спустились вниз по водосточной трубе. Френни представила, как смеялся бы Хейлин, если бы увидел ее сейчас. *Ты бы хоть посмотрела прогноз погоды*, сказал бы он. *Оно того стоило – лезть на крышу?*

Ночь действительно выдалась пасмурной. В небе клубились тяжелые тучи, предвещая грозу. Воздух трещал и искрился накопившимся электричеством. Обычная массачусетская погода, непредсказуемая и капризная. Когда сестры вышли на улицу Магнолий, начался мелкий дождик. К тому времени, как они добрались до парка, дождь лил уже сплошной стеной. Сестры промокли до нитки. Френни попыталась выжать воду из своих длинных волос, и вода была красной. Вот тогда она и поняла, что они с Джет совершили ошибку.

Братья мчались сквозь толщу ливня по опустевшему парку. Даже лебеди спрятались под кустами. В небе прогрехотал гром.

– О нет, – прошептала Джет, ошеломленная таким поворотом судьбы, еще не свершившейся, но уже приготовившейся свершиться.

Джет с Френни махали руками и кричали парням, чтобы те бежали назад, в безопасное место, но при таком грохоте и ливне мальчишки не видели и не слышали ничего и продолжали упорно бежать вперед. Сестры стояли на берегу пруда, когда ударила молния, но за миг до того, как небеса озарились раскаленными вспышками, Френни почувствовала запах серы. Братья упали одновременно. Сначала они пошатнулись, словно нарвавшись на выстрел, а потом рухнули наземь. От их тел поднялся синеватый дымок.

Френни схватила Джет за руку и потащила домой. Где-то поблизости уже ревели сирены, и полицейские машины съезжались к парку. Если сестер здесь застанут, их наверняка заподозрят в злодействе. Они же девчонки из Оуэнсов, и какая бы ни случилась беда, их обвинят первыми.

Они прибежали на улицу Магнолий и ворвались в дом через заднюю дверь. Даже поднявшись к себе на чердак, они слышали рев полицейских сирен. Люди в городе говорили, что это был несчастный случай. Говорили, что молния непредсказуема и парни сами сглупили, что пошли в парк во время грозы, да еще ночью, да еще почему-то в воскресных костюмах. Но Френни знала, что это был никакой не случай. Это было проклятие.

Они надели пропахшие нафталином «кусачие» черные платья, которые откопали на чердаке, но постарались держаться подальше от толпы скорбящих и не выходить из тени под вязами на краю кладбища. Джет плакала, но Френни лишь хмурилась, кусая губы: в произошедшем она винила себя. Эйприл говорила правду. Любовь, даже в самых умеренных ее проявлениях, превращается в пагубу в их руках.

Когда сестры вернулись домой, взмокшие в своих шерстяных платьях, Изабель налила им по стакану лимонада с вербеной и дала добрый совет:

– К местным лучше не подходить. Они никогда нас не понимали и никогда не поймут.

– Это *их* проблемы, – заметил Винсент, который как раз зашел в кухню.

Возможно, Винсент был прав, но с того дня сестры почти не выходили на улицу – только в сад. Они не хотели, чтобы произошло еще больше трагедий, но было уже поздно. Парни не обращали внимания на Френни с ее хмурым видом и кроваво-рыжими волосами, но Джет стала легендой. Красивая девушка, ради которой не жалко и умереть. Парни ходили к их дому, чтобы хоть издали на нее посмотреть. Когда они видели Джет в глубине сада – Джет с ее длинными черными волосами и губами сердечком, – они совершенно теряли голову, несмотря на судьбу их предшественников или, может быть, именно из-за нее. Винсент выходил, кидался в них помидорами и заставлял их бежать без оглядки одним щелчком пальцев, но все без толку. Только за один день двое потерявших рассудок парней совершили бессмысленные безумства из-за любви к девушке, с которой даже ни разу не разговаривали. Чтобы доказать свою храбрость, один шагнул прямо под поезд, идущий в Бостон. Второй привязал к ногам железные болванки и нырнул в озеро Лич-Лейк. Не выжил ни тот, ни другой.

Узнав об этом, сестры пришли в ужас. Они заперлись у себя на чердаке, не вышли к ужину и не стали разговаривать с тетей. А ночью выбрались из комнаты через окно и залезли на крышу. В небе мерцали звезды, миллионы звезд. Так вот что такое проклятие Оуэнсов. Возможно, сейчас оно стало еще сильнее, потому что его так никто и не смог преодолеть. Перед ними лежал целый мир, но этот мир был для других, не для них.

– Нам надо быть осторожнее, – сказала Френни сестре.

Джет кивнула, потрясенная событиями этого лета.

В ту ночь, прямо на крыше под звездным небом, они поклялись, что никогда никого не полюбят.

Френни сказала Джет, что ей не надо ходить на похороны парней, чьих имен она даже не знает. Она не отвечает за чьи-то чужие неразумные действия. Но Джет все же пошла, тайком выбравшись через окно. Она стояла в высокой траве: волосы собраны в пучок на затылке, лицо белое, словно снег, глаза покраснели от слез. Она надела черное платье, хотя на улице все плавилось от жары. Заупокойную службу проводил все тот же священник, что и на первых двух

похоронах. Теперь, когда ветер переменился, Джет слышала его голос, цитирующий Коттона Мэзера.

Семья есть питомник всякого общества и первое объединение рода человеческого.

Джет заметила среди деревьев парня в черном плаще. Парень шел в ее сторону. Он держал руки в карманах, и у него было хмурое, сосредоточенное лицо. Как и сама Джет, он был одет слишком тепло для такой жаркой погоды.

Пройдя через пустыню и претерпев многие лишения, мы войдем в Землю обетованную.

Сперва Джет подумала, что ей надо бежать. Возможно, это очередной воздыхатель, готовый на любое безумство, чтобы завоевать ее сердце. Но высокий красивый парень даже не посмотрел в ее сторону. Он смотрел на священника, продолжавшего говорить.

– Это мой папа, – сказал он, по-прежнему не глядя на Джет. – Преподобный Уиллард.

– Они убили себя из-за меня, – выпалила она. – Им казалось, что они в меня влюблены.

Парень внимательно посмотрел на нее. У него были серо-зеленые глаза, очень серьезные и спокойные.

– Ты здесь ни при чем. Это была не любовь.

– Да, наверное, – задумчиво проговорила Джет. – Любовь не должна быть такой.

– Она не такая, – уверил ее незнакомец.

– Да. – Что-то странное происходило с Джет. Рядом с этим спокойным, серьезным парнем ей было так хорошо и уютно. – Да, ты прав.

– Те, кого любят, не умрут. Любовь и есть Бессмертие, – сказал он и рассмеялся, поймав на себе изумленный взгляд Джет. – Это не я придумал. Это Эмили Дикинсон.

– Мне нравится, – сказала она. – Я люблю Эмили Дикинсон.

– Мой папа не любит. Считает ее порочной.

– Это неправда. – За лето Джет стала горячей поклонницей творчества Дикинсон. – Она была великим поэтом.

– Я не понимаю многого из того, во что верит отец. Это какая-то бессмыслица. Например, он с меня шкуру сдерет, если увидит, что я разговариваю с тобой.

– Со мной?

– Ты же из Оуэнсов, да? Его трясет при одном только упоминании о вашей семье. Он мечтает, чтобы Оуэнсы исчезли с лица земли. Опять же, средоточие пороков.

Возможно, именно из-за этих слов они отошли еще дальше в глубь рощи, где их никто не увидит. Их беседа вдруг сделалась тайной и важной. Свет сочился сквозь густую листву золотисто-зелеными полосами. Им было слышно, как скорбящие поют «Не разомкнется наш круг».

– Мы в родстве с Готорном, – сказал парень, – но папа мне запрещает читать его книги. Даже не знаю, что будет, если я послушаюсь. Наверное, меня накажут до конца жизни. По крайней мере, пока я не уеду из города, а уеду я скоро, можешь не сомневаться. Папа установил столько запретов и правил!

– Как и моя мама, – призналась Джет. – Она говорит, это для нашей же пользы.

Парень невесело улыбнулся.

– Знакомая песня.

Его звали Леви Уиллард, и у него были большие планы на жизнь. Он поступит на факультет богословия, даст бог – в Йельском университете, получит диплом и уедет на Западное побережье, подальше от этого городишки и от папы с его ограниченными представлениями. Он проводил Джет до дома на улице Магнолий. Это было уже на закате, и к тому времени Джет узнала о Леви столько, сколько не знала ни о ком другом. Близился конец лета, в траве стрекотали сверчки. Джет вдруг поняла, что ей не хочется, чтобы лето кончалось.

– Ты здесь живешь? – спросил Леви, когда они подошли к дому. – Я никогда не бывал в этом квартале. Странно. Я думал, что знаю весь город.

– Мы здесь не живем. Просто приехали на лето. Каникулы кончатся, и мы вернемся обратно в Нью-Йорк.

– В Нью-Йорк? Всегда мечтал там побывать.

– Так приезжай! Можем встретиться у музея Метрополитен. Прямо на лестнице у главного входа. Мы там рядом живем. – Она уже забыла о клятве, которую они дали с сестрой в ту ночь на крыше под

звездным небом. Может быть, мир открыт и для них тоже. Может быть, проклятия действуют только на тех, кто в них верит.

– Будем друзьями, – сказал он, торжественно пожимая ей руку.

– Будем друзьями, – отозвалась Джет, хотя в тот долгий миг, пока их руки медлили расцепиться, она узнала, о чем он думал. Не потому, что прочла его мысли, а потому, что сама думала то же самое: *Наверное, это судьба.*

Они упаковали свои чемоданы. Лето закончилось, и как-то вдруг свет, льющийся сквозь листву, сделался золотистым, а листья дикого винограда на заднем дворе окрасились багрянцем – как всегда, первые в городе. Винсенту, изнывающему от скуки, сытому по горло тихими провинциальными радостями, не терпелось скорее вернуться домой в Манхэттен. В день отъезда они все проснулись пораньше и собрались в кухне на прощальный завтрак. Дождь стучал в окна с зелеными стеклами. Сейчас, когда пришло время ехать, всем троим стало тоскливо, как будто закончилось не только лето, но и детство тоже.

Тетя Изабель раздала им билеты на автобус.

– Вы доедете хорошо. И погода наладится.

И, разумеется, как только она это произнесла, дождь перестал.

Закончив собирать сумку, Френни спустилась вниз. Изабель ждала ее в кухне с двумя чайниками свежесваренного чая. Френни улыбнулась. Она знала, что это очередная проверка. И она знала, что выдержит испытание. Возможно, тетя уже испытала Винсента и Джет, но Френни всегда была лучшей в таких вещах. Она не боялась делать выбор.

– Выбирай, – сказала Изабель. – Смелость или осторожность?

– Мне, пожалуйста, смелость.

Изабель налила ей чай с густым ароматом земли.

– Здесь все травы, за которыми ты ухаживала этим летом.

Френни выпила все до капли и попросила добавки. Она вдруг поняла, что ей страшно хочется пить. В этот раз тетя налила чай из другого чайника.

– Но ведь это же осторожность, – сказала Френни.

– Ой, да это одно и то же. Ты не выбрала бы осторожность и не выберешь никогда. Но прими добрый совет старой тетушки. Не

старайся спрятаться от себя, Френни. Ты та, кто ты есть. Помни об этом всегда.

– Иначе я превращусь в крольчиху? – съязвила Френни.

Изабель поднялась из-за стола и обняла свою любимую племянницу.

– Иначе ты проживешь очень несчастливую жизнь.

Когда они шли к автобусной станции, двери и окна в домах на всем их пути захлопывались с громким стуком.

Скатертью дорожка, несся им вслед неслышимый шепот. Возвращайтесь откуда пришли.

Френни с Винсентом ушли вперед, а Джет чуть отстала, погруженная в свои мысли. Ей было так хорошо в саду на улице Магнолий и стало в тысячу раз лучше, когда она познакомилась с Леви Уиллардом, встречи с которым хранила в секрете от всех, даже от брата с сестрой. У обоих был дар ясновидения, но они даже не удосужились полюбопытствовать, чем занимается их сестра, когда выходит в сад по вечерам. Джет говорила, что идет собирать травы, и никто ничего не заподозрил. Да и с чего бы им вдруг усомниться в правдивости Джет, такой трепетной и простодушной? С чего бы им догадаться, что она кое-чему научилась у Френни и поставила в сознании защитный барьер?

Френни с Винсентом обсуждали проверку чаем.

– Что ты выбрал? – спросила Френни, взяв брата под руку. – Смелость или осторожность?

– Ты еще спрашиваешь! – Винсент поправил футляр с гитарой, перекинутый на ремне через плечо. Этим летом у него было столько подружек, что и не сосчитать, однако он не счел нужным попроситься хоть с кем-то из них. – Осторожность – она для других. Не для нас.

В автобусе они разместились на задних сиденьях. Другие пассажиры их сторонились, и не без причины. Вид у троицы, одетой в черное, был угрюмый и даже зловещий, а их многочисленный багаж занял почти весь проход. Когда они выехали на Массачусетскую магистраль, Френни вдруг поняла, что ужасно соскучилась по Манхэттену. Она устала от неприязни соседей и от трагедий, произошедших за лето. Она скучала по Хейлину, чьи письма она сохранила и спрятала на самое дно чемодана. Вовсе не из

сентиментальных соображений, а исключительно для архива. На случай, если ей вдруг захочется перечитать что-то из его рассуждений.

В Массачусетсе все пахло зеленой свежестью: огурцами, глициниями, кизилом и перечной мятой. Но запах большого города меняется каждый день. И никогда не угадаешь, что будет завтра. Запах дождя и сырого цемента. Хрустящий запах бекона. Кисло-сладкое одиночество. Карри или кофе. Некоторые дни в ноябре пахли каштанами, предвещая грядущие холода.

Когда автобус уже подъезжал к Манхэттену, Френни открыла окно и вдохнула горячий, грязный воздух. Ей по-прежнему снились сны о черной птице, говорящей человеческим голосом. Если бы Френни не считала психоанализ полной ерундой, она бы спросила у папы, что означает этот сон. Может быть, ей хотелось летать? Может быть, ей хотелось свободы? Или просто кого-то, кто говорит на ее языке и поэтому сможет понять ее смятенные чувства?

– Осторожнее, – улыбнулся Винсент, увидев ее угрюмую сосредоточенность. – Я предвижу большие сердечные сложности.

– Не смей меня, – фыркнула Френни. – У меня даже нет сердца.

– О, богиня рационального мышления, – произнесла Джет нараспев. – Ты что, сделана из соломы?

Винсент подхватил шутку.

– Нет, она сделана из шипов и колючек. Ее лучше не трогать, а то поцарапаешься.

– Да, я такая. Колючая девчонка, – весело проговорила Френни, хотя уже уловила сегодняшней запах Манхэттена, льющий в открытое окно.

Сегодня в Манхэттене пахло любовью.

АЛХИМИЯ

Лучшее время в Манхэттене – ранний вечер в Центральном парке, когда неспешные сумерки разливаются по Большой лужайке. Синее небо темнеет, бледный свет заходящего солнца сочится сквозь ветви робиний и вишневых деревьев. В октябре трава на лужайках делается золотой; листья дикого винограда наливаются багрянцем. Но в парке в последнее время стало небезопасно. Френни, Джет и Винсент гуляли там самостоятельно с пяти лет, и никто над ними не надзирал; но теперь все изменилось. Родители боятся отпускать детей в парк одних – особенно с наступлением темноты. Там рассадник преступности, сплошь грабежи и насилие; там ошиваются странные личности, у которых нет своего жилья, и они спят на зеленых скамейках или прямо на земле под шелестящими ивами.

И все же для Френни Центральный парк так и остался необъятной, чудесной вселенной, огромной научной лабораторией буквально в квартале от дома. Там возле Пруда азалий были потайные места, где весной тысячи гусениц плели себе коконы, а потом – в одночасье – рощи робиний оживали трепещущими облаками из только что вылупившихся бабочек-траурниц. Осенью небо над парком наполнилось стаями перелетных птиц, спускавшихся здесь передохнуть одну ночь на пути в Мексику или Южную Америку. Но больше всего Френни нравились Дебри, самая дикая, самая уединенная часть Центрального парка. На этом заросшем лесном участке были ручьи и болота, здесь обитали лесные мыши и совы. В толщах крон шебуршили птицы, и все они подлетали к Френни, когда она проходила мимо. В один день можно было увидеть около тридцати разных видов пернатых. Гагары, бакланы, цапли, голубые сойки, пустельги, ястребы, лебеди, утки, шесть разновидностей дятлов, козодой, дымчатые иглохвосты, колибри и сотни других перелетных гостей и постоянных обитателей парка. Однажды Френни встретила большую голубую цаплю почти с нее ростом. Цапля не испугалась и подошла прямо к ней. Френни, чье сердце бешено колотилось в груди, застыла на месте, стараясь не шевелиться – вообще не дышать. Цапля прижалась головой к ее щеке. Потом, когда цапля взлетела, Френни

расплакалась. Ее, гордившуюся своей сдержанностью и внешней невозмутимостью, всегда завораживала красота полета.

Неподалеку от входа в Дебри, в уединенной лощине, о существовании которой большинство посетителей парка даже не подозревало, росло Древо алхимии. Огромный древний дуб, чьи узловатые, причудливо переплетенные корни как бы стремились выбраться из-под земли. Говорили, что этому дереву больше пяти сотен лет и оно росло здесь задолго до того, как бригады рабочих превратили заболоченную пустошь в окультуренный парк, придуманный Фредериком Лоу Олмстедом в 1858 году, чтобы привнести в город частичку живой природы. Именно здесь, рядом с Древом алхимии, одной прохладной осенней ночью сестры Оуэнс отважились испытать свои врожденные способности. Дело было в Самайн^[3], в последнюю ночь октября, канун Дня всех святых, когда завершается одно время года и начинается другое.

Родители ушли на костюмированную вечеринку, нарядившись Зигмундом Фрейдом и Мэрилин Монро. Это была ночь веселья и праздника, и стайки ряженных детишек носились по улицам города. Две из каждых трех девочек были ведьмами в черных остроконечных шляпах и шуршащих накидках. На Хэллоуин в Нью-Йорке всегда пахло ирисками и кострами. Джет с Френни пошли встречать Винсента после гитарных занятий и срезали путь через парк. Они вышли пораньше, и у них было время посидеть на сырой траве. В начале лета они размышляли: если они не такие, как все, тогда кто же они? Теперь им не терпелось узнать, на что они способны. Они еще никогда не пытались объединить свои силы, в чем бы те ни заключались.

– Только разочек, – сказала Джет. – Давай посмотрим, что будет. Попробуем что-то простое. Загадаем желания. Каждая по одному. И проверим, сможем ли мы заставить их сбыться.

Френни нахмурилась. В последний раз, когда Джет говорила «только разочек», двух мальчишек убило молнией. Френни что-то почувствовала; у сестры явно были свои причины. Какое-то тайное заветное желание. И сейчас, в ночь Самайна, самое подходящее время его загадать.

– Мы можем выяснить, что от нас скрывала мама, – сказала Джет. – Понять, что мы умеем.

Нарочно или случайно, но Джет нашла единственный довод, способный убедить Френни, которая ни за что бы не упустила возможность доказать мамину неправоту. Сестры взялись за руки, и воздух как будто сгустился, налившись тяжестью. Френни повторила заклинание, которое подслушала, когда к тете Изабель приходила клиентка и просила исполнить ее желание.

Мы просим однажды и лишь об одном. И не попросим о чем-то другом.

Над землей за клубился туман, птичье пение разом стихло. Вот оно. Что-то происходило. Сестры переглянулись и решили идти до конца.

– Только одно желание, – прошептала Френни. – И ничего грандиозного. Никакого богатства и счастья для всех и мира во всем мире. Не надо переоценивать свои силы. Мы не знаем, как оно все отзовется.

Джет кивнула и закрыла глаза. Застыв в трансе магии и мечты, она загадала желание сразу, не задумываясь ни на миг. Ее лицо покраснелось, а дыхание почти замерло. Что касается Френни, ее желание родилось из снов, снявшихся ей с самого раннего детства. Быть среди птиц. Птицы лучше людей. Они такие красивые и свободные, они взмывают в небесную синь, стремясь прочь от земли. Возможно, поэтому птиц всегда тянет к ней. В каком-то смысле она говорит на их языке.

Через пару минут, когда стало ясно, что вряд ли что-нибудь произойдет, хотя воздух по-прежнему оставался густым и тяжелым и у Френни начали слипаться глаза, Джет дернула ее за руку.

– Смотри.

На нижней ветке старого дуба сидел огромный черный ворон.

– Это было твое желание? – удивленно прошептала Джет.

– В общем, да, – прошептала Френни в ответ.

– Ты могла загадать что угодно и загадала птицу?

– Да, наверное.

– Он явно тебя изучает.

Френни поднялась на ноги, сделала глубокий вдох и вскинула руки над головой. В ту же секунду поднялся студеной ветер. Ворон сорвался с ветки и подлетел к ней. Так же, как к ней подлетел воробей в доме тети Изабель, так же, как к ней подошла голубая цапля, так же,

как птицы в парке слетались к ней, побросав свои гнезда в кронах деревьев. Но в этот раз Френни была не готова к тяжести, давящей ей на руку, и к внимательному взгляду ворона, смотревшего на нее так, словно они давно знают друг друга. Она могла бы поклясться, что слышит голос, звучащий в биении сердца в пернатой груди. *Я никогда не покину тебя, если ты не прогонишь меня сама.*

Френни упала без чувств на траву.

Винсент стал регулярно бывать в Нижнем Манхэттене, чаще всего – в баре на Кристофер-стрит, где продавали спиртное несовершеннолетним. Грязное, сомнительное заведение под названием «Балагур», любимое место депрессивных нью-йоркских студентов, напивавшихся там до беспамятства, пока не придет время возвращаться в общагу. Приехав домой после летних каникул, Винсент только и делал, что бежал от себя, и спиртное помогало ему забыться. В баре, в некоторых кабинках, ощущался след магии: там, где когда-то давно вызревали великие планы. Это было хорошее место, чтобы взять кружечку эля и просто исчезнуть.

Временами он мельком ловил свое отражение в зеркальной стене над барной стойкой и тут же отводил взгляд. Он еще не был готов увидеть себя настоящего. В «Маге» нашлось заклинание на забвение, и Винсент наложил его на себя. Но, видимо, произнес не совсем правильно, потому что, проходя по парку в ту ночь, он почувствовал зов своей истинной сущности. Сердце бешено колотилось в груди, кровь стучала в висках. Винсент задумался, каково было бы жить другой жизнью, в которой не надо прятаться в барах и бродить в темноте.

И вот теперь, проходя через Дебри, он увидел Френни, распростертую на траве. Френни, белую как полотно. Она уже пришла в себя, но пока не решалась подняться на ноги. У нее до сих пор кружилась голова.

– Все хорошо, – упрямо проговорила она, когда Винсент бросился к ней. – Со мной все хорошо.

Ее ошеломила настойчивость ворона, неукротимая сила его намерений. Он ясно дал ей понять: он – ее птица, и так будет всегда. Ее, бессердечную девчонку, сделанную из шипов и колючек, полюбил ворон, и, если по правде, знакомство с таким удивительным существом

приводило ее в восторг. Может быть, это ее фамильяр? Верный товарищ и спутник, который знает ее лучше, чем кто бы то ни было из людей?

Откуда-то сверху послышалось резкое карканье. Винсент заметил, что ворон будто бы охраняет его сестру.

– Похоже, ты завела себе питомца.

– У меня никогда не будет питомца, – сказала Френни. – Животные должны жить на воле.

– Чем вы тут занимались? – спросил Винсент. Он чувствовал, что пропустил что-то важное. Воздух по-прежнему был густым, неестественно влажным и чуть сладковатым.

– Ничем, – в один голос ответили Френни и Джет.

– Охотно верю, – ухмыльнулся Винсент. Это единодушное отрицание выдало их с головой.

– Мы хотели проверить, что будет, если мы объединим силы, – сказала Френни.

– И что вы наколдовали? – спросил Винсент. – Птицу? Надо было дожидаться меня. Я бы придумал кое-что поинтереснее. Миллион долларов. Частный самолет.

– Мы хотели по-скромному, – сказала Френни.

Они пошли вверх по Кедровому холму за музеем Метрополитен. Здесь все заросло ваточником, хотя с другой стороны от здания музея проходила Пятая авеню. Летом, если лечь в траву и лежать неподвижно, на холме можно было увидеть колибри.

– Все равно получилось немного не то, – признала Френни. – Я загадала полет.

– Надо правильно формулировать желания, – заметил Винсент. – В «Маге» сказано, что для успеха важна конкретика.

Они вышли на Пятую авеню, и Джет резко остановилась. Хотя было темно, она увидела, что у нее все получилось. Ее желание сбылось. Она знала, как правильно формулировать, и загадала очень конкретно: *Хочу увидеть свою настоящую любовь*. Это было простое желание, которое невозможно неправильно истолковать, и вот он, Леви Уиллард, сидит на ступеньках у главного входа в музей. Такой красивый, что его совершенно не портят ни заношенный черный костюм, ни дурацкий черный галстук, ни старые черные ботинки.

– Джет, – встревожилась Френни, – что с тобой?

У Джет на мгновение сбилось дыхание.

– Это он, – прошептала она. – Мое желание.

Теперь и Френни увидела парня, сидевшего на ступеньках. Когда он поднялся и помахал им рукой, она прищурилась, пристально глядя на Джет.

– Твое желание? Он? А как же проклятие?

– Да черт с ним, с проклятием.

– Может, лучше не надо? – сказала Френни, вспомнив все похороны, на которые украдкой ходила Джет.

Джет вцепилась в руку сестры.

– Прикрой меня, Френни.

Френни взглянула на парня на ступеньках музея и поджала губы.

– Как ты это себе представляешь? – спросила она. – Пробираться в дом ночью? Объясняться с мамой, если она тебя засечет? И мы же решили, что это все не для нас. Мы дали клятву.

– Френни, пожалуйста. Я знаю, что у меня все получится. Изабель предлагала тот чай и мне тоже, – сказала Джет. – Ты думала, только тебе одной?

Удивленная, Френни спросила:

– Смелость или осторожность?

Джет улыбнулась своей прелестной улыбкой.

– И ты еще спрашиваешь! Кто же не выберет смелость?

– Иди, – сказала Френни. – Пока я не передумала.

Винсент стоял, держа руки в карманах и озадаченно глядя вслед Джет.

– Я чего-то не знаю? – спросил он у Френни.

– У Джет свои тайны.

– Серьезно? У нашей Джет? Она разве не выбрала осторожность?

– Видимо, нет, – сказала Френни.

– Это точно она, наша Джет, которая никогда в жизни не нарушила ни единого правила?

Они оба задумались. Джет оказалась для них загадкой.

– Кстати, а кто он такой? – спросил Винсент.

– Ее парень, как я понимаю.

– Да?! Он похож на сотрудника похоронной конторы.

– Да, это он, – сказала Френни. – Это он.

Утром стало понятно, что у них будут крупные неприятности. Френни и Винсент проснулись рано. Их разбудили родители и велели немедленно идти в кухню. В кухне все было мрачно. Мама с папой сидели за столом и угрюмо пили кофе. Было ясно, что спать они не ложились. Они даже не переоделись после вечеринки, так и остались в костюмах. Зигмунд и Мэрилин. Мама курила тонкую сигарету, хотя бросила курить месяца три назад.

– Мы ничего не делали, – быстро проговорил Винсент.

– Вы знаете, где ваша сестра? – спросил папа, бледный от ярости.

Винсент с Френни встревоженно переглянулись. Джет не вернулась домой?

– И как это понимать? – спросила мама, указав на масленку.

Масло растаяло и расплылось желтой лужицей. Верный признак того, что кто-то из домочадцев влюблен.

– На меня не смотрите, – сказал Винсент. – Я здесь ни при чем.

– Все равно это бред, – добавила Френни.

– Ты так думаешь? – нахмурилась Сюзанна.

– Мы слишком многое вам позволяли, вот вы и распустились, – сказал отец. – Зря мы вам разрешили ехать в Массачусетс. Да, очень зря. – Он повернулся к Сюзанне. – Я тебе говорил, что все дело в наследственности, и опять оказался прав.

– Может быть, надо позвонить в полицию? – Френни подумала о парне в черном костюме. Она даже не знала, как его зовут и куда они с Джет собирались пойти.

– Только полиции нам не хватало, – сказала Сюзанна. – Нет. Обойдемся своими силами. Ваш отец знает, как справляться с различными отклонениями.

Потрясенный родительским отношением, Винсент принялся торопливо надевать ботинки, чтобы бежать на поиски сестры.

– Джет пропала, и это все, что ты можешь сказать? Что мы ненормальные?

– Я этого не говорила! – возразила мама.

– Именно так ты и сказала, – хмуро заметила Френни и побежала за теплой кофтой, чтобы присоединиться к Винсенту в поисках. Конечно, она винила себя. Ей не стоило соглашаться прикрывать Джет. Но она согласилась и даже напихала подушек под одеяло на кровати

сестры – как будто та дома и спит, – чтобы мама ничего не заподозрила, если ей вдруг придет в голову заглянуть к ним в комнату.

– Никуда не ходите! – крикнул из кухни доктор Берк-Оуэнс. – Одной мы уже недосчитались.

Не послушав отца, Винсент с Френни направились к входной двери. Но дверь распахнулась сама собой, и на пороге стояла Джет, растрепанная, запыхавшаяся, с туфлями в руках.

– Ты жива, – сказал Винсент. – Это радует.

– Я не знала, что «прикрой меня» означает «меня не будет всю ночь», – прошипела Френни сквозь зубы. Теперь, когда Джет нашлась, Френни могла позволить себе разозлиться.

– Мы потеряли счет времени, – принялась объяснять Джет. – Мы были повсюду. В некоторых местах я сама не бывала ни разу, хотя живу здесь всю жизнь. Эмпайр-стейт-билдинг. Паром вокруг Манхэттена. Потом мы гуляли по набережной вдоль Гудзона и зашли поужинать в ресторанчик на Сорок третьей улице. Он никогда в жизни не ел копченого лосося! В следующий раз он хочет попробовать китайскую кухню.

– Ты не заметила, как вошло солнце? – спросила Френни, вдруг перестав злиться.

– Не заметила, честное слово. Мы забыли вообще обо всем.

Винсент с Френни переглянулись. Кажется, их сестра не на шутку влюбилась.

– Мы даже не знаем, кто он, – сказала Френни. – Вдруг он маньяк и убийца?!

– Он не убийца! Его папа – священник, а он сам собирается поступать в Йельский университет. Мы познакомились летом, когда гостили у тети Изабель. Вчера он был в Нью-Йорке, на собрании молодежного клуба в Колледже Куинс. Он сказал, что внезапно подумал обо мне прямо посреди собрания и бросил все, сел в метро и приехал сюда. Как будто что-то его позвало.

– Хороший парень, – сухо проговорил Винсент.

– Да, он очень хороший! – горячо закивала Джет, покрасневшись от волнения. – Он хочет делать добро, хочет помогать людям и менять мир к лучшему, и мне кажется, это достойная цель!

Мама вышла в прихожую, бледная как полотно. Она успела услышать достаточно, чтобы удариться в панику.

– С кем ты гуляла?

– Мама, прости! Я думала, что приду раньше.

– Ты была с мальчиком! Как его зовут?

Джет знала, что надо соврать, но врать она не умела. Она побледнела и прошептала:

– Леви Уиллард.

Сюзанна влепила ей пощечину с такой силой, что Джет ударилась головой о стену. Френни с Винсентом потрясенно уставились на маму. Она никогда не была своих детей. Она не была сторонницей таких методов воспитания.

– Мама! – воскликнула Френни.

– Ваш папа в кухне, и лучше ему ничего не знать. И чтобы я больше не слышала об этом парне. Я запрещаю тебе с ним встречаться, Джет. Ты меня поняла?

Джет молча кивнула. Ее глаза заблестели от слез.

– Если я вдруг узнаю, что ты меня не послушалась, я отправлю тебя в интернат. Ты даже вещи собрать не успеешь, поедешь как есть.

– А что такого? – спросил Винсент. – Она просто не уследила за временем.

– Делай как я говорю. Кстати, вы все наказаны. И уясните себе: вам *нельзя* никого любить, иначе вы их погубите.

– Но ведь ты вышла замуж за папу, – озадаченно нахмурилась Джет.

– Я отказалась от любви ради нормальной жизни, – сказала Сюзанна. – И хочу, чтобы у вас было так же.

– Ты никогда не любила папу? – спросила Френни.

– А разве не видно? – вставил Винсент.

– Я люблю вашего папу. Не поймите меня неправильно. Просто я не влюблена *до беспамятства*, и это спасло нас обоих. Рекомендую вам сделать так же. Мы действительно не такие, как все. Это связано с нашей историей, и лучше вам о ней не знать.

– Я уже знаю, – сказала Френни. – Когда мы гостили у тети Изабель, я ходила в тамошнюю библиотеку.

– Есть вещи, которые лучше не трогать, – сказала Сюзанна, обращаясь к Френни. – Больше ты никогда не поедешь к Изабель. – Она опять повернулась к Джет. – А ты забудешь об этом мальчишке. Ты меня слышишь?

– Да. Я тебя слышу. – Джет посмотрела ей прямо в глаза. Она вроде бы подчинилась, но ее взгляд был холодным и жестким. – Я слышу, – повторила она.

Папа крикнул из кухни:

– Можно спросить, что там у вас происходит?

Они быстро переглянулись и пришли к молчаливому соглашению, что папу лучше держать в неведении.

– Ну, слава богу, – сказал он, увидев Джет, когда они все вошли в кухню. – Одна проблема решилась, другая возникла. – Он указал на окно. На подоконнике с той стороны сидел большой черный ворон и стучал клювом в стекло, требуя, чтобы его впустили.

Френни открыла окно.

– Вот ты где! – Она была рада, что он прилетел.

– Господи, Френни, тебе обязательно тащить его в дом? – спросила мама.

– Да, обязательно.

Ворон влетел в кухню и важно уселся на деревянном карнизе для штор, а когда сестры пошли к себе в комнату, устремился за ними.

Джет прилегла на кровать, уныло глядя в одну точку.

– Она никогда не любила папу.

– Она его любит, – сказала Френни, сооружая на письменном столе гнездо из свитеров. – По-своему.

Джет забралась под одеяло и укрылась с головой.

– Нет, так не пойдет. – Френни стащила с нее одеяло и прилегла рядом с ней. – Давай рассказывай.

– Мама ненавидит Леви, хотя совершенно его не знает. Мне кажется, она ненавидит и меня тоже.

– Мы не обязаны слушаться маму, – сказала Френни. – И становиться такими, как она. Она точно выбрала бы осторожность.

Джет закрыла глаза.

– Я и не собиралась слушаться.

Они еще долго лежали, обнявшись, упрямые и непокорные, убежденные, что, если бывают проклятия, значит, должны быть и средства для исцеления любых человеческих горестей.

В ноябре Эйприл Оуэнс приехала в Нью-Йорк, соврав родителям, что ее пригласили в гости к двоюродным сестрам. Она уже поступила

в университет и сейчас должна была учиться на первом курсе, но вместо этого работала официанткой в кафе в Норт-Энде. Когда ее приняли в Массачусетский технологический институт, родители искренне удивились – они и не знали, что у них такая умная дочь, – но Эйприл взяла академический отпуск, желая заняться другими делами. Наступали интересные времена, назревали волнующие перемены, и жалко было бы все пропустить, погрузившись в учебу. Джон Кеннеди, сенатор от Массачусетса, победил на президентских выборах. Красивый, статный, улыбчивый, он дал людям веру в будущее. *Я хочу вас уверить, что посвящу каждую частицу своего разума и души долгосрочным интересам США и делу свободы во всем мире.*

Эйприл решительно позвонила в дверь нью-йоркского дома Оуэнсов. У нее в кармане лежал мешочек с лавандой, талисман на удачу.

– Смотрите, кто к нам приехал! – Сюзанна Оуэнс попыталась произнести это радостно, но побледневшее лицо все равно выдало ее истинные чувства. На самом деле при виде племянницы она впала в панику. Ей не хотелось нести ответственность за эту упрямую девушку с бунтарским характером, чье влияние могло довести до беды ее собственных детей.

Эйприл проскользнула в дом, словно Чеширский Кот, с непроницаемой улыбкой и единственным чемоданом. Она казалась совсем девчонкой, младше той Эйприл, какой была летом: без макияжа, светлые волосы заплетены в аккуратную косу. Одета в черное, в сапогах на шнуровке высотой до колен.

– Сюрприз, сюрприз, – пробормотала Эйприл и добавила, глядя на Джет, которую считала подругой: – Хотя ты, наверное, знала, что я приеду.

Все повернулись к Джет.

– И что это значит? – спросил доктор Берк-Оуэнс, вечно искавший неврозы, требующие диагностики. – Вы с Эйприл сговорились?

– Ничего это не значит, – сказала Джет, стараясь замять разговор. Они с Эйприл переглянулись, и Джет пораженно застыла, прочитав мысли кузины. Нет, наверное, она ошиблась. Такого просто не может быть. У Эйприл в голове такой раскардаш, что ошибиться нетрудно.

– Ты читаешь меня, как открытую книгу, – сказала ей Эйприл. – Ты знаешь, почему я приехала.

– Джет? – встревоженно проговорила Сюзанна. После случая с тем мальчиком она каждый вечер проверяла комнату дочери и подслушивала на втором телефоне, если Джет кто-то звонил – вернее, пыталась подслушивать, потому что Джет сразу же клала трубку.

Теперь Джет стояла, глядя себе под ноги, и упорно молчала. Она никогда не выдавала секретов – ни своих, ни чужих, – хотя она знала, почему Эйприл приехала к ним. Если кузина хотела устроить скандал, значит, так тому и быть.

– Значит, будем молчать? – сказала Сюзанна. – Что ж, Эйприл, можешь остаться на ночь, а утром поедешь домой.

– Вы меня выгоняете? – Эйприл не верила своим ушам.

– Твои родители наверняка захотят, чтобы ты быстрее вернулась домой, – сказала Сюзанна. – Я им позвоню.

– Если кто-то и может понять, почему человек хочет сбежать из Бостона, так это вы, тетя. Насколько я знаю, мы с вами – одного поля ягоды. Мы не любим, когда нам указывают, что делать. Я слышала, вас отправляли в две школы-интерната, а потом вы сбежали в Париж и отказались от той себя, кем вы были.

Сюзанна уже не скрывала свою неприязнь к этой дерзкой девчонке.

– Милочка, ты еще очень юная, – холодно проговорила она. – Поэтому я прощаю тебе твою грубость. Можешь остаться на завтрак.

Сестры устроили Эйприл в пустующей гостевой комнате, тесной холодной коморке, куда помещались только кровать, тумбочка и крошечный, почти игрушечный комодик. Раньше, когда в доме жили другие люди, это была комната для прислуги, и спавшая здесь кухарка каждую ночь заливалась слезами. Потехи тех давнишних слез виднелись на полу до сих пор.

– А где Генри? – спросила Джет.

– Родители все-таки его убили. Сказали, что он случайно наелся крысиного яда, но я им не верю.

Эйприл устало прилегла на кровать и закрыла лицо локтем. При всем ее показном равнодушии к чужому мнению ее все же задело, как к ней отнеслись в этом доме.

– Ваша мама меня ненавидит, – сказала она.

– Наша мама слишком хорошо воспитанна, чтобы ненавидеть, – сказала Френни. – Она не одобряет.

Пробравшийся в комнату ворон пронзительно каркнул.

Эйприл открыла глаза.

– У тебя есть фамильяр, – сказала она Френни. – И ваши родители его еще не убили?

– Это не фамильяр, – сказала Френни. – Просто найденыш.

– Ладно. Как скажешь. – Эйприл приподнялась на локте и выглянула в коридор. Потом повернулась к Джет. – А где ваш брат? Ушел в лютый загул?

– Он на занятии, – сказала Джет. – Берет уроки гитары. Он всерьез занялся музыкой.

– Значит, пойдет в загул позже. – Пытаясь хоть чуточку приободриться, Эйприл села на кровати и посмотрелась в зеркало. Она заплела косу и слегка тронула губы помадой. Сестры переглянулись. Если они не ошиблись, в глазах их кузины блестели слезы.

– Эйприл, мне очень жаль, – сказала Джет.

– С чего бы тебе ее жаль? – насупилась Френни. – Она приехала без приглашения.

Но вместо того, чтобы выдать в ответ язвительное замечание, Эйприл расплакалась. Правда, тут же взяла себя в руки и вытерла слезы.

– Принести воды? – спросила Френни, тронутая слезами своей противницы.

Эйприл покачала головой.

– Ваша мама вас предупреждала, чтобы вы не влюблялись? – спросила она у сестер. – Она говорила, что это сломает вам жизнь? Потому что все в семье знают, что она сбежала в Париж с каким-то французом, в которого была влюблена до безумия, но он погиб. Там был какой-то несчастный случай, и на том все и закончилось. Теперь она осторожничает как может, но мне кажется, что осторожничать бесполезно. Любовь, она как скорый поезд. Мчится на полном ходу, нравится вам или нет, и самое лучшее, что можно сделать, это расслабиться и получать удовольствие от поездки. Будешь пытаться уйти от судьбы, сделаешь только хуже. Чему быть, того не миновать. – Она присмотрелась к Джет повнимательнее. – Поздравляю. Я вижу, оно уже грянуло. Надеюсь, он того стоит. И кто же он?

– Леви Уиллард, – сказала Джет.

Эйприл оторопела.

– Не лучший выбор.

Френни бросилась на защиту сестры:

– По-моему, это тебя не касается.

– Это касается всех. И тебя тоже. Уилларды ненавидят нашу семью. Тут какая-то старая родовая вражда. Она продолжается сотни лет и как-то связана с нашим проклятием.

Сестры растерянно уставились на нее.

– Неужели вы не понимаете? – сказала Эйприл. – Он тоже часть тайны.

– Сомневаюсь, – сказала Френни.

– Можешь сомневаться сколько угодно. – Эйприл повернулась к Джет. – Ты уже виделась с преподобным отцом?

– Еще нет, – призналась Джет.

– И, скорее всего, никогда не увидишься. Ему, знаешь ли, будет противно находиться с тобой в одной комнате. *Он* не так хорошо воспитан, как ваша мама, и ненавидит нас всей душой. В мой первый приезд к тете Изабель я забрела в его сад, так он вышел из дома и насыпал на землю соль, как будто я осквернила его участок. Тетя ходила к нему, и он потом прислал мне письмо с извинениями, но его сад погиб. Может быть, из-за засухи. Может быть, тетя приложила руку, не знаю. Я знаю только, что все это вряд ли предполагает счастливое будущее для тебя с Леви Уиллардом.

– Все меняется, – храбро проговорила Джет.

– Правда? – Эйприл начала распаковывать чемодан. Вместе с одеждой она привезла и несколько свечей. – Тетя Изабель говорит, что гости должны приходить с подарками. Даже незваные гости. – Она вручила сестрам по свече. Красную – Френни, белую – Джет. – Если хочешь узнать, кто твоя настоящая любовь, воткни в воск две серебряные булавки. Когда свеча догорит до второй булавки, твой любимый придет к тебе в дом. Работает безотказно.

– Мне не надо, спасибо. Я уже знаю, кто моя настоящая любовь, – упрямо проговорила Джет.

– Мне вообще неинтересны эти забавы, – сказала Френни.

– Она верит только в научную логику, – пояснила Джет для Эйприл.

– Я тоже, – кивнула Эйприл. – Я сама занимаюсь наукой. Изучаю паукообразных в свободное время. Особенно те виды, у которых самка

убивает самцов после спаривания. Мне что-то подсказывает, что это поможет мне разобраться с нашими шансами. Я имею в виду женщин Оуэнс.

– Если ты занимаешься наукой, ты должна понимать, что просчитывать шансы – пустое дело. Природа не поддается статистике.

– Да? – Эйприл скривилась, давая понять, что не согласна с таким заявлением. – И генетика тоже? Потому что все дело в генетике. У нас особенная семья, и эта особенность – в нашей крови.

Она вынула из чемодана свечу для Винсента.

– Ему не надо, – уверенно проговорила Френни.

– Кто знает... – сказала Эйприл.

– Я знаю, – отрезала Френни.

Как всегда, Винсент пришел домой поздно. По пути к себе в комнату он заглянул к сестрам. Джет уже спала, а Френни читала в постели. Книгу о миграции сов. Даже на таком расстоянии от Винсента ощутимо несло виски и табачным дымом.

– Дай-ка я угадаю, – сказала Френни. – Ты был в баре.

Винсент присел на краешек ее кровати.

– Папа сказал, к нам приехала Эйприл.

– Ты разговаривал с папой? – Они оба рассмеялись. Разговоры с отцом были редкостью. – После завтрака она уедет, – сказала Френни. – И слава богу.

Конец ознакомительного фрагмента. [Полный текст доступен на www.litres.ru](http://www.litres.ru)

Примечания

1

32 °C (*Прим. пер.*).

Фамилляр – в средневековом фольклоре – сверхъестественная сущность, дух, принявший форму животного и помогающий ведьмам, колдунам и пр. *(Здесь и далее прим. ред.)*

Самайн – гэльский (горский шотландский) праздник с кельтскими корнями. День окончания сбора урожая и одновременно день почитания усопших. Совпадает по времени с Хэллоуином.